

О.ПОКРОВСКИЙ

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.
Мистические рассказы.

Несерьёзное

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

О.Покровский

Настоящее время

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63678246

SelfPub; 2021

Аннотация

Может ли мир внезапно измениться, чтобы этого никто не заметил? А если по соседству с нами находится тот, кому под силу повлиять на реальность... А визит чёрта-привести к потребности иногда пообщаться с существами не от мира сего?... Для любой аудитории. От чемпиона и рекордсмена Европы, России и мира IPL.WRPF.WPF, ранее знакомого лишь участникам форумов путешественников и почитателям творчества Т. Пратчетта, вниманию которых были предложены несколько произведений. Содержит нецензурную брань.

О.Покровский

Настоящее время

В жёлто-розовом неестественном свете блистали редкие снежинки. На улице- никого, лишь ворона, надеясь, что на нее-то внимания не обратят, исподтишка наблюдала немигающей чернотой глаза за нелепо одетой фигурой.

Высокая же фигура- Степан Калашников, или, как он предпочитал себя называть- Аудитор, подмечал любую мелочь, едва кинув взгляд вокруг. Сегодня, 1 января 21 года, глаз ему кольнула печальная пустота. Там, где каждый год наутро после проводов старого года заторможенные взрослые и шустрая детвора всех возрастов продолжали догуливать, только мусор остатками полуночного празднования некоего количества жителей района единственно намекал о том, что город не покинут населением и не стал жертвой зомби, оборотней и агентов Антанты.

Так уж вышло, что и я не сумел соблюсти указания и рекомендации, да сгонял, таки, в столицу. Здравсьте, приехали. Серый полупустой перрон, одиночки в повязках, марлевых намордниках и тёмно раскрытый вход в воксал. Это Москва Пандемийная неприветливо встречает декабрьской ростепелью.

Если уж в обычное время работает лишь один транспор-

тёр, то сейчас и вовсе глупо ждать обоих... Медленная очередь, где мнутся 4-5 человек. Сумки -на ленту, всё из карманов -на стол. И почему только в моём городе туповатые охранники заставляют входящих в вокзал ключи и телефоны складывать в лотки, которые до тебя тысячи грязных рук брали уже, и ставили на ту же ленту транспортёра? Может мэр, или специальные службы все же обратят на это внимание? Ну хоть когда-нибудь, как будет на то их воля и время... Если уж не ковид, то и вообще здоровья это точно не прибавит.

С опаской левой «одетой» рукой открывши тяжелую дверь, вываливаюсь на улицу и сворачиваю в метро. Представьте себе, представьте себе, зелё... там тоже народу крайне мало. А ведь будний день. Утро. Маска, политкорректно зацепленная за уши, сразу натирает и душит. Гляжу провинциальным сусликом на москвичей... окружающих, все подмечаю. Немало, кто едет «голышом». Тётки, чем-то замученные и истощённые настолько, что никто им замечаний не делает; длинные тинейджеры, которые, может, если пообещать в лобешник, беспонтовый намордник и наденут, но совершенно без удовольствия; пара невзрачных, но представляющих себя самодостаточно грозно брутальными особями толстяков лет 35-37 с плешинами в жидковласых макушках... И все сидят через одного на местах, не заклеенных лентой крест-накрест. Равнодушно и тупо уселся рядом. Сами мы не местные, понимаешь, будем, моя твоя не понимай, всё равно

в столицу не один же в вагоне ехал...

А вот на станции пересадки вагон, куда удалось втиснуться, всюду кричал уже не о социальной и санитарной дистанции, а о потере здравого смысла, ибо дышать через пропитанные своей и чужой заразой повязки, стоя нос к носу и будучи стиснутым со всех сторон, нелегко, вредно и... глупо. Зато следующий поезд метро подошёл через 40 секунд после того, на который не побежавши, опоздал. Веришь ты, а может не веришь, но хватануть заразу на самом деле несложно. У каждого из нас есть знакомые заразившиеся. Одни уже переболели, другие ещё борются... Вся страна, да что страна, весь мир надел маски

Не далее, как сутки назад, когда некая мысль, зароненная в его голову, проросла желанием изменить ход событий и саму ситуацию, Калашников пошел «в народ». Зацепив за уши нелепую марлевою, явно неспособную защитить от вируса, но отбивающую охоту шастать по общественным местам тем, что безбожно натирала уши, маску, он заходил в магазины, катался в трамваях, втиснулся в набитую до отказа маршрутку и слушал, рассуждал, анализировал... Пообщался с парой пожилых женщин, нарвался на грубость от высокого губастого мужика с женским лицом и препротивным голосом, после чего посчастливилось послушать усталую потухшую женщину-медика. Её история оказалась сродни фильму о зомби-апокалипсисе и совершенно была противоположна большинству суждений, что удавалось

Аудитору услышать раньше. Но большинство встреченных, вторя заявлениям тысяч граждан в сетях, на радио и с экранов сходились на том, что год, мало того, что прошел впустую, но и отбросил общество и каждого его члена в отдельности назад. А иные к тому же переболели сами, а то и потеряли кого из близких. И желание Калашникова действовать росло, крепло и выливалось в понятный, пожалуй, только ему, стройный план.

Степан вздохнул, попытался было оживить малость подпропавшее желание прогуляться по холодку, что оказалось нереально, развернулся и поскрипывая подмёрзшим снежком двинулся назад к подъезду. Аудитору срочно захотелось поправить настроение, да и всё, пожалуй, положение дел, причём полностью, а не в отдельно взятой стране... Шаги его делались твёрже, походка уверенней, улыбка на тонких губах мечтательней. Ворона поёрзала на своей ветке, проводила человека до двери, так ни разу и не мигнув, и втянула голову в тушку, закрыв наконец глаза.

Отперев иззубренным тёмным ключом толстую деревянную дверь, молодой человек ввалился в длинный тёмный коридор и пошаркал ногами о ворсистый коврик. После стащил с рыжей головы чёрную машинной вязки шапочку, повесил на крючок серенькую кургузую курточку и шагнул, повернув старинную латунную ручку, в комнату по правую руку, где уютное массивное кресло бесстыдно маняще приглашало усесться перед тяжёлым двухтумбовым столом, крытым

зелёным бархатом с аккуратными двумя-тремя стопками бумаг. Не парясь по поводу явной музейности помещения, вошедший опустился в мягость кресла, не глядя вытащил из ящика стола книгу в зеленоватом бархате и зашелестел страницами. Некоторое, впрочем, довольно длительное время, нездешняя густая тишина разбавлялась только шуршанием переворачиваемых страниц, маятниковым пощёлкиванием, да каждые полчаса боем напольных часов. Время неторопливо шло своим, неведь кем, когда и для чего заведенным порядком: -Тик-так, тик-так... Бом-м...

Серегина голова отказывалась воспринимать происходящее адекватно. Она шла кругом, заставляла владельца при ходьбе хвататься ослабевшими руками за все, что оказывалось в пределах их досягаемости. Серегу шатало и только руки были зыбкой гарантией того, что не случится столкновения с чем-то, что может оказаться достаточно опасным и причинить травму, либо привести к падению. Лежать парню было тошно и страшно, пожаловаться доктору на состояние представлялось нереальным из-за непрекращающегося болезненного кашля, который начинался спустя секунд десять после начала разговора. Невзирая на лекарства, принимаемые больным, ни боль в груди, ни выматывающий кашель не прекращались, а температура, та и вовсе повышалась третьи сутки. Серегин не был в палате самым трудным и внимания на него обращалось не больше, чем на прочих пациентов. А становилось ему все хуже и хуже. Сознание было зату-

маненным, ни одна мысль не оказывалась законченной, самочувствие и поведение – как у сильно нетрезвого человека. Парень слабел и угасал. Верно, тихо и равнодушно.

Спросите меня, дорогие мои друзья, чем мне больше всего запомнится прошедший год и ответить смогу, не задумываясь только лишь об ограничениях, связанных со всеми известными событиями. Вспомню о несбывшихся планах, непосещённых местах и несостоявшихся встречах, посетую на неудобство дистанционного обучения школьников и связанных с этим комических ситуациях, в кои пришлось попасть непривычным к видеоурокам родителям. Ещё, само собой, пожалуюсь на то, что год этот прошёл совершенно бесполезно для меня. То же, либо примерно похожее скажет едва не каждый из моих соотечественников, добавив, быть может, о болезни своей, или родственников. И всё, ибо повлиять на ситуацию мы можем лишь гипотетически, теоретически... что означает-почти никак. И совершенно не был в этом уверен читающий старинный фолиант в продавленном кресле хозяин квартиры Степан Парамоныч Калашников, если не сказать, что уверен он совершенно в обратном, и небезосновательно...

А вот, зуб даю, друзья мои, что иного из вас имя Аудитора подвигло на то, чтобы провести параллели, вспомнить вдруг и неосознанно нечто из давно забытого, но для каких-то нужд и необходимостей пронафталинированного и запрятанного в самые дальние закутки мозга. Степан Парамоно-

вич, Степан Калашников... Да это же, позвольте, каждому школьнику понятно – герой Лермонтовского сказа о купце, что бился насмерть с царским опричником, возжелав вдруг поменять порядок того жестокого и несправедливого к простому человеку мира. Решивший нарушить и погибший по слову грозного царя. А погибший ли, или изменивший всё же? Впрочем, в любом случае, было это сотни лет назад и автор, то есть- я, просто не парясь, наобум спер у Михаила Юрьевича выдуманный им несуществующий никогда персонаж. И, таки, не буду оправдываться, потеть и лепетать в свое оправдание, как и пытаться обвинить Лермонтова в отсутствии выдумки... Всему своё время.

За окном утро сменил день, прошествовал без особых происшествий мимо и удалился, оставив после себя серо-голубые, подсвеченные местами желтым фонарным светом сумерки. Кажется, сама собой зажглась лампа и очертила круг на столе. По-прежнему мотался туда-сюда подневольный маятник, пробивали свой черед часы, шелестели переворачиваемые пожелтевшие страницы, да поскрипывало кресло. Молодой человек с невероятной для его возраста усидчивостью все листал, читал, изредка поднимая голову и что-то про себя беззвучно проговаривая. И снова шелест. Скрип. Бой...

И торчат маски из карманов, забивают едва не под верх мусорки, рвутся во множестве на входах в крупные торговые центры, мечутся, гонимые ветром, по городу. Масочный, мать его, режим, это вам даже не комендантский час. А по го-

родам и весям денно и ночью люди всех возрастов, религий и национальностей шьют, клеят, да упаковывают нам на здоровье новые и новые миллионы малополезных, одинаковых масок. Впрочем, можете отличиться от толпы за свои деньги... За деньги, на моё провинциальное разумение, приличные. Кабы –Сим-Селявим- сделаться мне президентом объединённого мирового правительства, я бы и на государственном флаге изобразил одну громадную маску... Но... рожей, понимаю, не вышел и маска душит и рвёт мои уши самая обычная бесплатная, из ближайшей «Ленты».

Когда на улице стемнело и звуки внутри комнаты начали казаться неестественно громкими в ночной тиши, Аудитор отложил книгу, набросал пером несколько строк на листе из высокой пачки и поднялся из кресла, встав во весь рост и потянувшись руками вверх-в стороны, щелкнув при этом позвонками. –Их вайс ниht, вас золь ес бедойтен, дас их зо траурих бин, – промурлыкал он негромко, раскрыл, легко подойдя, створки антресоли и не глядя, наугад протянул снизу руки в её темное нутро. Некая штука, напоминающая небольшую печатную машинку, вытащена была на белый, в нашем случае- желтоватый, свет, не торопясь протерта сухой тряпочкой и водружена на старое сукно стола.

Есть не хотелось и тошнота была постоянной спутницей болезни. Эмоции, хоть какие-то вызывали исключительно уколы. Болючие, разрывающие, кажется, мышцу изнутри. И хотя колоть старались каждый раз в другое полужопи... дру-

гую ягодицу, болели обе. Без труда подчинился требованию лежать на животе, спорить просто не хотелось, хитрить и делать по-своему – не оставалось ни сил, ни желания.

Крошечный телевизор на стене палаты давал отвлечься, забыть и болезнь, и время, а то и позволял провалиться ненадолго в безболезненный сон. Соседи-однопалатники не понимали. Цепляться, просить о чем-то и даже просто общаться ослабевшим было трудно, неинтересно, да и грозило обернуться долгим кашлем, от которого порой даже появлялись кровавые сгустки в горле. Сколько кто времени пролежал, могли определить только если знали сегодняшней день, что бывало редко. Так и жили пока, пассивно и тихо, не догадываясь порой даже о собственном самочувствии до момента, когда приходилось вставать, или делать что-то.

Мало ли бывало случаев в нашей истории, когда шло себе всё, шло, по накатанному, а после- Р-раз, и без видимых поводов, причин и предпосылок менялось ни с того, ни с сего? – Было! – скажет почти каждый. А почему, с какой такой радости, над тем редко кто задумается. Да и озаботясь сим вопросом, тоже чаще скажешь: – Ну так уж оно вышло. А не то: – Божиим промыслом ... – либо: – Некие силы вмешались... Современники тех событий обычно объяснений не давали, либо писали каждый на свой лад разумея и прочих толкователей обвиняя во вранье, корысти, прочих грехах, ереси и преступлениях, чем окончательно сбивали с панталыка пытавшихся разобраться и живущих в одно с ними время, рав-

но как и потомков, близких и далеких. Ни в целом, ни в частности ситуация подобная этой разрешению загадок и парадоксов истории не способствовала. Остается только думать, существовали ли во времена оны такие вмешивавшиеся периодически силы...

На кровати со сбившейся простыней нерасчёсанный человек с опухшим лицом и тёмными кругами под глазами свёл лопатки, подтянув их ближе к ягодицам и, прогнув спину, опустил локти, приблизив сжатые кисти к груди. Серега имитировал жим штанги лежа. Недели полторы назад текущая форма парня, не только далёкая от идеальной, а вообще находящаяся ближе к середине плана подготовки позволяла жать снаряд на уровне норматива мастера спорта весовой категории, от которой полтора кило было до Серёгина обычного, несброшенного заранее веса. Сколько он потерял за время лежания, что длится, кажется, уже бесконечность? А жим получился легким и невесомым. Сухие губы искривила улыбка, но выброшенные вверх будто в жиме руки тяжело упали на кровать.

Во вполне современном многоквартирном жилом доме, в квартире, которая лет полтора ста тому показалась бы самой, что ни на есть обычной для того времени, опять же современно одетый, пусть и не вполне модно, молодой человек, усевшись снова в любимое скрипучее кресло коричневатой потертой кожи, и надев на рыжую голову громоздкое приспособление, напоминающее шлем космонавта, глубоковод-

ного водолаза, или, хотя бы мотогонщика, опустил непрозрачное забрало, повернул вправо-влево голову, будто что-то оглядывая и вновь сдвинул его вверх. Лампа, очевидно за ненадобностью, была погашена и сквозь неплотно задернутые портьеры с ночной улицы в комнату теперь попадал свет фонарей. На этом светлом фоне зарослями кустарников без листьев чернели антенны, провода и некие лианоподобные спирали, совершенно в полумраке похожие на обустроенный на подоконнике зимний сад.

Не сказать, чтобы ночью в ковидном отделении больницы становилось намного тише. Эта ночь не стала исключением. Часа за два до полуночи, то есть задолго до прихода Куклиной, соседи-однопалатники нажав «тревожную» кнопку вызвали дежурную сестру к Серегиной кровати. Тот раз за разом делал вдох и не мог нормально вдохнуть. Не хватало воздуха. Лицо его еще больше стало опухшим, глаза казались сопалатникам впавшими, нос заострившимся и блестящим. Ничего объяснить парень не мог, на все вопросы отвечать перестал сразу, как впервые закашлялся, и кашлять переставал только чтобы снова попытаться вдохнуть... Переваленный на каталку и сопровождаемый с одной стороны нетерпеливым матерком, с другой всхлипами и просьбой держаться и потерпеть, Серега, влекомый двигателем в одну санитарную силу умчался по коридору... Соседи снова укладывались молча. Реанимация не была местом, откуда все стопроцентно возвращались. -Пульса нет! – только и долетело из

дальнего конца коридора до затихающей палаты...

Из тумбы стола хозяин выудил, опять-таки, не глядя, видимо порядок у него повсюду был наведён образцовый и никем не нарушаемый, заварочный чайничек цилиндрической формы серебристого металла. Оттуда же появилась деревянная резная коробочка, немедленно молодым человеком раскрытая. Щепоть высушенных измельченных листьев оглядывается на предмет количества и высыпается в заварочник, после чего коробочка снова исчезает в столе. Аудитор встал и удалился на кухню, откуда спустя несколько секунд послышался чиркающий звук зажигаемой спички. Через некоторое время раздалось и клокотание, говорящее, что закипела вода, затем- звук наливаемого кипятку. И неся впереди себя парящий чайничек рыжий молодой человек вошел в комнату, удобно вновь устроившись во вмятине кресла.

Люди всё знают о чае, способах его заваривания и традициях чаепития. Не стоит проверять, соблюдают ли сами любители этого напитка эти правила, да это и не важно, ведь что время, что место, да и компания порой не способствуют расшиванию и получению удовольствия. Но и при всем этом, зная заранее, что предстоит пить «на ходу», мы стараемся точно отсыпать меру заварки, выдержать необходимое время налить нужное, «правильное» количество чаю, привычно дуть на поверхность, втягивать жидкость с хлюпающим звуком, чтобы пар с ароматом вслед за напитком попадал на нёбо, помогая нам ощутить вкус... Да и чаёк-то последние

лет пятнадцать уже не тот... Но... все же часто хочется воскликнуть: – А любите ли вы чай так, как люблю его я?

Аудитор видимо был неприветлив. Стекланный стакан, поблескивавший в уличном свете рядом с графином на столе совершенно его устроил. Парящая струю из тонкого носика быстро наполнила стакан на три четверти, толстая серебряная ложечка зазвенела о стенки, размешивая и остужая красно-коричневую жидкость. С удовольствием отметил, что перед началом чаепития рыжий прикрыв глаза вдохнул чайного аромата и остался, скорее всего, доволен. Причмокивая и покрхтывая, то отставляя стакан, то опять помешивая ложкой, не торопясь «кушал» Степан Калашников чаек. Важно и со вкусом. Допив, отставил стакан, неожиданно перекрестился, утерев губы салфеткой и взял в руки космошлем.

Минутой позже вся пространство комнаты завибрировало, воздух уплотнился, застучал, словно комната превратилась в гигантский стетоскоп, приложенный к самому сердцу огромного мира. Проводки и антенны подрагивали и иногда вспыхивали голубоватыми искрами, лопающимися с сухим треском и наполняющими воздух озоном. Фонари за окном тоже вели себя странно, то загораясь ярче, то почти во все затухая. По небу с невероятной скоростью сразу во всех направлениях на различной высоте носились рваные тучи... Голова человека в шлеме подрагивала будто того лихорадило, а маятник, до того мерно раскачивающийся, наоборот застыл и стал недвижим. Несколько раз, видимая в недозадёр-

нутом окне луна промчалась мимо, каждый раз в разной фазе... Творилась вокруг всякая чертовщина...

Не только приблизившийся уже на расстояние суток Новый год, а и все прошедшие даты, праздники и события обошли в этом году доктора Куклину стороной и виной тому не личная нелюбовь к увеселениям и компаниям. Пандемия застала её в кресле заведующей отделением одной крупной городской больницы. Поработав некоторое время в новых условиях приняла она нелегкое решение и ковидная реанимация приняла с распростертыми объятиями опыт, руки и силы новой сотрудницы. И календарь перестал что-либо значить в новой её жизни. Только график работы регламентировал отныне и труд, и краткий отдых. Вот и 31 декабря мчалась она по пустым ночным улицам, чтобы в 2.00 заступить на вахту и застать всех без исключения больных на этом свете.

Бледный голубовато-серый проём окна проявился как-то вдруг, будто и не было его, но ворвался прибывшим скорым поездом и встал перед глазами грубо, зримо, настояще. И почти сразу начало светать. Посветлело за окном, стены комнаты явили рисунок на обоях, и с неподвижной фигуры в странном сооружении на голове медленно, но верно стекал вниз ночной мрак. Фигура подняла руки, стащила громоздкий шар и оказалась средних лет мужчиной со взъерошенной черной с обильной проседью шевелюрой, покоившимся в большущем старинном кресле. Нелегко, ели не ска-

зять «невозможно» было опознать в нем еще недавно другого Аудитора, но это был именно он- Степан Парамонович Калашников собственной персоной.

Аудитор сладко потянулся, позвонки снова хрустнули в районе лопаток, но уже громче, нежели прошлым вечером, поднялся, щелкнув коленом, и понес замолкшую «печатную машинку» к открытому зёву антресоли. Но в этот раз для уборки наверх прибора мужчине почему-то потребовалась табуретка. Затворив дверки Калашников подошел к окну и раздвинул шторы...

Еще вчера под окнами дома Аудитора был просторный двор с площадкой, где установлена к празднованию Новогодья казенно украшенная ёлка, от которой нынче не было и следа. Не наблюдалось и большей части двора, взамен которого сверкала стеклянная крыша одноэтажного сооружения, разноцветно подсвеченного изнутри. Ночевавшие у бордюров и на тротуарах автомобили непривычно бросались в глаза несвойственной им обычно чистотой. Притоптанного снега тоже уже не наблюдалось нигде. На усыпанную бумагой, пластиковыми стаканчиками и останками пиротехники серую поверхность тихо опускались, вальсируя в тишине крупные белые хлопья, преображая двор на глазах.

Уже описанный прежде человек- Аудитор Степан Калашников, являл собой, как мы помним, чуть выше среднего роста молодого рыжеволосого человека. Теперь же перед окном стоял, рассеянно глядя вниз, мужчина к пятидесяти,

темный, с сединой и проявившейся проплешиной на макушке. Стоял несколько ссутулив вперед плечи и слегка наклонившись, как сделал бы человек со слегка нездоровой спиной. Комната же, где он и пережил превращения двора и собственной персоны, осталась неизменённой. Хочется добавить, «от слова «совсем». У стены тикали, размахивая маятником, как счастливый пёс хвостом, часы, прикрывался от уличного света стопками бумаг старинный стол зеленого сукна, широкое кресло дремало, освободившись от досаждавшего ему так долго седалища. Будто комната эта — ось, вокруг которой мчатся вприпрыжку и кувырком глобального масштаба изменения и катаклизмы, чем дальше, тем быстрее и ошеломительней, стихая по мере приближению к центру вращения.

В дверь постучали. Отрывисто и требовательно. Степан Парамоныч подошел, открыл и протянул руку навстречу гостю. На пороге стоял вихрастый пацан. Лет ему можно дать на вид, семь-восемь. Темные глаза серьёзно глядели на хозяина. —Здрасьте, дядь Стёп, — вложил он ладошку в руку Аудитора, который с готовностью её пожал. —С новым годом Вас! А какой это будет год? — И протянул подарок — на фоне карусели из звёзд на альбомном листе невысокий человек в белом, округлом шлеме. Аудитор невольно вздрогнул. Мальчик прошел по коридору, занял предложенное место за столом и поискал глазами ёлку. Ёлки не было, что показалось ему немного грустным. Степан хмыкнул, пошарил в ку-

хонном шкафчике и извлёк блестящий картонный домик-коробку с подарком. Гость успокоился и ожидая чаю принялся мучить хозяина вопросами, порой неожиданно недетскими.

Дед Егорки-соседа Степана Парамоновича, из-за проблем с ногами много лет передвигался с трудом. И сейчас, отметив, что времени на разговоры сорванцу-почемучке должно было хватить с лихвой, дабы не совсем добить соседа болтовнёй, позвонил в квартиру напротив по телефону. – С наступившим! Степан, там наш бесёнок тебя, поди, уж замучил, пусть домой собирается. -Егорка, едва услышав звонок вскочил, чинно поклонился хозяину и пошлёпал к двери. Проводив, Калашников вдруг понял, что устал и нуждается в отдыхе и прогулке.

Бело-голубой мир медленно, плавно, красиво стелил под ноги белоснежный ковер. Двор практически пуст, только любопытная птица, поблескивая черными бусинками, нагло пялилась на сутуловатую фигуру, уверенная в собственной недостижимости на высокой ветке. Фигура глянула на ворону, показала ей язык и обвела взглядом двор. 1 января 21 года. Свежим снежком укрывало неубранные пока приметы празднования местными жителями Нового Года. Обилие мусора навевало мысли о спешном оставлении населением загаженного и отравленного города. Калашников мрачно плюнул под ноги, подавил в себе желание вернуться в дом и меланхолично направился по скрипучему нетоптанному пушистому тротуару в опустевший город.

Одноэтажное сооружение оказалось торговыми рядами, невесть как сумевшими прорасти на части двора жилого дома. Ёлка, у которой микрорайонские праздновали, стояла теперь на пяточке перед входом в это царство изобилия «за ваши деньги». Невзирая на ранний для первого января час, когда гуляющие всю ночь успели разойтись, а уже выспавшиеся новогодние «жаворонки» не ощущали жгучего желания и настроения выходить в печальный постпраздничный город, иллюминация повсюду горела, переливалась и подмигивала. Казалось- персонально Степану Парамоновичу. Тот опустил голову, сцепил руки за спиной и будто задумавшись о чем-то непростом, пошагал дальше.

С трудом держащийся на ногах доктор беспрестанно тряс головой и растирал уши, успешно пытаясь не заснуть. О том, сколько часов на ногах, он старался не думать, деваться всё одно некуда. Ехавшая ему на смену к двум ночи Куклина до больницы так и не добралась, выброшенная со скользкой дороги двумя летящими, бешено вращающимися автомобилями. Неадекватные от выпитого водители, один из которых набрался под завязку в гостях, второй- кочуя из бара в следующий, везде принимая за «Новое счастье» «обрели друг друга» и подобно страшному кегельбану вышибали до полной своей остановки имевших несчастье оказаться в месте их «встречи». По счастливой ли случайности, или боженька успел, таки, вмешаться в последний момент, но не оказалось не только погибших, а и серьезно пострадавших. Куклина же

была заклинена в машине и отказавшись от освобождения в пользу более серьезных случаев, несколько часов провела в придорожном сугробе. И только после вскрытия авто поняла, что передвигаться самостоятельно получается с большим трудом...

Доктор сначала вдохнул кислороду сам, после чего прижал маску к лицу молодого парня...и начал падать, будто желая присесть... Пожилая невысокая сестра успела подхватить его за подмышки, но удержать центнер с гаком сил не хватило, и они вместе повалились па пол. Что-то зазвенело, разбиваясь, рядом.

Время шло, понемногу улицы прорастали деловито шагающими по неотложным праздничным делам нетрезвыми взрослыми и шумной, носящейся туда-сюда, и то и дело шарахающей петардами, фейерверками и обычными хлопушками, детворой. Взрослые зашвыривали подальше в сугроб опустошенные на ходу бутылки и баночки, щелчком пальца отправляли мимо урн окурки, обрывки вскрытых сигаретных пачек. Разнокалиберные дети оставляли после своих огненных забав раскуроченные трубки, коробочки, палочки, воткнутые в снег... В ушах Аудитора давно звенело от грохота, ближнего, дальнего, повсеместного... Он остановился, снова огляделся, зажмурился и помотал головой. Постоял немного и круто развернувшись отправился назад. Настроения гулять по городу паче чаяния так и не появилось, и захотелось привычно укрыться дома от всего разом. В обратном

направлении шагало Калашникову легче и быстрее.

Иззубренный ключ, заранее на ощупь найденный и за кольцо надетый на палец привычно вошел в замок. Тяжелая дверь легко открылась, впустив хозяина во всегда полутемный коридор, и лязгнув защелкой замка захлопнулась у него за спиной. Сверху по лестнице, шаркая подошвами и покашливая, спускалась тройка традиционно нетрезвых типов из числа людей, кои не угодили всему дому и которым никто из жильцов не указ.

Часы до проводов старого и встречи нового года. Время незадолго до закрытия торговых центров- самое время «Ху» для некоторых категорий граждан. Не исключительно тех, кто, заработавшись не сумел выбрать подарки, не только людей, кто по пути домой решил пройти по ближнему ТэЦэ на всякий случай. Немало типов, чье нахождение здесь целей никаких, казалось бы, не преследует, но... Группка развязной молодежи, то скачущей друг от друга, задевая прохожих, то встающих толпой посреди прохода на пути посетителей на замечания в свой адрес реагировали мало. А если и соизволяли отозваться, только грубо и с угрозами. Высказавший претензию если и был удовлетворён, единственно перед своей совестью, и то не до конца по причине нежелания накануне праздника портить внешний вид и настроение. А стадо продолжало развлекаться порой на глазах полиции. Ведь трогать-то они никого не трогают, да и сами первыми придираются не спешат.

Быстрый и ловко лавирующий в потоке спешащих парень со спортивной сумкой направлялся в сторону одного из выходов, когда едва не под ноги ему приземлилась модная вязаная шапочка. Пытаясь не наступить, он шагнул в сторону и ошутимо жестко задел плечом метнувшегося за своим добром, не желающего никого замечать и осознавать, что он не один, молодого человека. Тот растянулся на полу.

–Обезьяна, – заверещал он снизу: – Борзый, . ля? -Парень приостановился ответить: –Клоун, ты не сам ли кинулся, как на буфет?

А дружки поднимающегося уже обступали Серёгу и несколько рук крепко прихватило куртку. Может и имелась возможность кончить дело миром, но одна сторона не любила оказываться без вины виноватой по жизни, другая же и вовсе в усиленном составе не боялась ни бога, ни черта. И карусель закрутилась...

Никогда не верьте тому, кто будет вас предостерегать от стычки с неорганизованным, но находящимся в численном большинстве противником. Один боец, находящийся перед несколькими оппонентами имеет то преимущество, и опытный человек пользуется этим, что может атаковать любого из них. Трое-четверо, находящиеся на одной линии и не окружившие одиночку, все вместе пытаются нанести удар только мешают друг другу, создавая тесноту и лишая товарищей самой возможности замахнуться и ударить. А Серега привычно занял положение спиной к витрине... Но наказать нагле-

ца, огрызнувшегося на стаю, молодым людям под занавес года хотелось.

А уж насчет того, что «хотелось» и «моглось»— не Ленин и Партия, то есть не близнецы братья, ребятам доходчиво не объяснял доселе никто. Уже всего минутой позже из тех троих, что не отскочили, угрожая и скороговоря, а переоценив свои силы решили все же наказать Серегу, один лежал животом на грязном кафеле, обхватив Серегину ногу и не делая даже попыток повалить его, а двое были на ногах. Первый удерживался за ворот на расстоянии согнутой руки, изредка пробуя отдалиться, второй, удачно отхвативши в скулу слева, наклонился и прикрыл лицо выставленными предплечьями. Жирную победную точку в поединке поставил свисток. Свистел, как вы поняли, не спортивный арбитр, а некоторое время наблюдавший полицейский. Он взял обоих бойцов за отвороты курток и повел за собой. Его напарник, склонив голову к микрофону рации, закреплённому на груди, комментировал события. «Стая потянулась вслед.

Привычно и споро ополоснув и протерев металлический старинный заварник и ткнув кнопку на электрочайнике, мужчина, немного приотворив комод, потемневший от времени, поставил серебристый и достал белый с мелкими голубыми цветочками тонкого фарфора. И заварка на сей раз насыпалась в сухую ладонь из вишневых тонов жестяной баночки с «ятями» в несегодняшних надписях.

Чайник щелкнул и отключился. Кипяток из него, противу

ожидания, вылился сперва в медную турку, и только оттуда, спустя секунды, попал в заварник. Так, по расчетам Степана Парамоныча, крутой кипяток, нагревая некий объем металла, становится прохладнее на то количество градусов, что и отличает кипящую воду от воды, нужной для заваривания температуры. Калашников поводит породистым носом над чайничком и накрыл крышечкой, оставшись ароматом чрезмерно довольным.

Некоторые индивиды пьют чай непохоже на других. И заваривают-то они немного не так, и посуды, вишь, чайной у них немеряно разной, чтоб по настроению, чтоб под любую компанию, да всяческую заварочку. А уж про чашечки-бокальчики и говорить не стану, ибо и сам грешен во множестве подобного добра на все случаи жизни. И вот сидишь порой, ждёшь, какая чайнушка-пиалушка тебе именно под сиюминутный чаёк и улыбнётся, подмигнёт... А и не пить же, как в столовке из чего попало. Настроение не то, и никакого порой эстетического вида. И бросьте сказать, что такие уж мы... изращенцы. Просто любим этот процесс и всё, что с ним связано.

Степан Парамоныч клюнул носиком чайничка и красноватая струйка дугой выгнулась в полупрозрачную белую чашку. И тут же чашка была перелита снова в заварник. К этому моменту на столе, на весьма давнишней газете, расстеленной на зеленом старом бархате, стояла уже вазочка с вареньем, вторая ей парная с медком, несколько печений на

небольшой, густо синих тонов тарелочке, и лежала ложечка с тонкой длинной ручкой. Для неторопливого, пусть одинокого, чаепития все было готово. Аудитор по-стариковски тяжело опустился в кресло, как обычно, скрипнувшее потёртой кожей, естественно, привычно, сама-собой, рука его перекрестила хозяина и пододвинула поближе чайничек.

Нет, никогда не желалось такой романтики Серёге. Пару часов назад его, обвинённого «свидетелями» и потерпевшими по нескольким статьям, заперли в отделе полиции. Где-то за стеной торопились домой припозднившиеся граждане, еще кипела- докипала предпраздничная торговля, и уже нетерпеливо пукали петарды, распечатываемой бутылкой чпокали хлопущки, пугая прохожих, а ему предстоял тот ещё весёленький праздничек взаперти. Серёга поставил ноги на скамейку, ткнулся лбом в колени и решил, коль уж не в силах изменить положение вещей, заснуть.

Большое белое «нечто», похожее на сферу Омоновца и ли шлем космонавта, с проводками, разъёмами и антеннами стояло пообочь от штуковины, кою люди старшего поколения обозначили бы как печатную машинку. От стола до закреплённых на штативах прибабасов непонятного облика и предназначения по полу и на весу тоже тянулись десятки проводков разного цвета, сечения и вида. Перед столом, повалившись спиной на спинку внушающего доверие кресла, сидел хозяин квартиры с раскрытой книгой. Беззвучно шевеля сухими губами, он слюнявил узловатый палец и ли-

стал страницы, очевидно разыскивая нужное место. Задумчивое «Бом-м-бом», отделившееся от стены и заполнившее всю комнату разом заставило его вздрогнуть. Палец, дернувшись, поддел несколько листов сразу и открыл, видимо, нужную главу. Комната надолго погрузилась в тишину. Автомобили, хлопки за окном и голоса догуливающих встречу Нового почти не проникали внутрь. Только шорох, тиканье, да стариковское дыхание, перемежаемое временами негромким покашливанием...

День не то прошёл, а не то промчался, пока продолжалось чтение, прерывавшееся пометками, делаемыми опять на новый лист бумаги. Покончив с чтением и расчетами Степан Парамоныч выпрямил спину, свёл лопатки и в который уже раз хрустнул. Годы... Осторожно обоими руками надел шлем, покрутив головой, проверяя как сидит, и сдвинул вниз щиток. Комнату наполнили зимние ранние сумерки. Щёлк...

В столице совершенно случайно, к моему удовольствию, потеплело и гулять было комфортно, если не принимать во внимание сырость и промокающую обувь. Нехилого веса сумка тоже не сильно мне мешала, настолько ставши за годы обычной, что без неё уже становилось не по себе от идиотски всплывавшей время от времени мысли, ничего ли я не забыл. Москва - настолько притерпевшийся за время столичности к провинциалам с тюками, мешками и чемоданами и жителям ближнего и дальнего Подмосковья, ежеутренне

прибывающими на вокзалы с сумками, да рюкзаками с обедами-перекусами, город, что, если быстро и никому не мешая передвигаться в самой толчее народу с тяжелой поклажей, никто тебя и не заметит. Этим стараюсь в каждый приезд и пользоваться. Даже считаю, преуспел.

Но не в этот раз на Казанском. Очередь начиналась, сжимаясь и снова удлиняясь, от самого входа. С улицы. Транспортёр работал традиционно один. Второй, подозреваю, уже отмечал проводы года. Всё по обычному распорядку и через то же самое место, как мы привыкли. Наверно, чтобы не расслаблялись и не привыкали к хорошему. Ничего экстренного не случилось и времени на проникновение внутрь потребовалось не больше, чем то, на которое хватало моего небезграничного терпения. В здании тоже, боже мой, люду оказалось, будто сельдей в бочке. Двигались по проходам хаотично, толкались, переходили и толпились у стен, киосков и терминалов, приступом брали точки с едой. От мысли о том, чтобы в момент домчаться до касс дальнего следования пришлось отказаться. Да, хорош бы я был, кабы минут за 15-20 до отправления примчался и возжелал купить билет на отходящий.

Тихо. Мерно и надоедливо загудело, защелкало. Лампочки среди горшечных растений на подоконнике загорелись, проводки ожили. Воздух вокруг, кажется, стал маслянистым и озонированным. С разъёмов и антенн то и дело стекали бледные огоньки и мгновенно растворялись. Над столом виб-

рировал маленькой луной белый шлем Аудитора, пульсация неизвестного характера усиливалась и затихала, разгонялась и становилась медленней. Снаружи завывало и мерцало. В сказках часто встречается фраза «Долго ли, коротко ли», и она как никакая другая уместной окажется в нашем случае. Долго ли, коротко ли, но локти Аудитора опустились на стол, напольные часы застучали маятником, фигура в кресле откинулась назад.

Несколько минут спустя шлем оказался на столе. На свет божий, робкий и тускловатый по случаю зимней поры, явилась тёмно-каштановая голова мужчины около 30-35, с двух-трёхдневной щетиной на щеках и залысиной спереди. Мужчина, а это снова был не кто иной, как Калашников, поднял из кожаной скрипучей уютности и выпрямил высокое тело, быстрым сильным движением сорвал со стола «пишущую машинку», и едва не по баскетбольному одной рукой запихнул в антресоль. Подойдя к окну и пару секунд помешкав, он раздвинул шторы и оглядел двор, с некоторой, кажется, опаской. Двор выглядел почти прежним. –Под голубыми небесами великолепными коврами, блестя на солнце...– пробубнил негромко. Похоже увиденным Аудитор остался доволен.

Ёлка, несмотря на почти полное отсутствие гуляющих, празднично светилась, следы ночного веселья прикрыты нетронутым еще снежком, никакого длинного «лабаза» со стеклянной крышей нет и в помине, а вместо обычно напи-

ханных в центре двора автомобилей- оградённая детская площадка, тоже по случаю сутра первого января пустынная и тронутая только цепочкой кошачьих следов. По улице, завывая и подмигивая пронеслась карета «Скорой помощи». Степан вздохнул и, потеряв интерес к виду из окна, принялся наводить порядок на столе.

В дверь постучали. Степан отпер и оторопел. Вихрастый, лет семи-восьми пацан с умными тёмными глазами требовательно глядел на него. –Здрасьте, дядь Стёп, – маленькая ладошка обхватила дрогнувшую Калашниковскую ладонь. Гость прошёл по коридору в кухню и занял место, которое хозяин только собирался ему предложить. –Подарок Вам, – и на стол лёг альбомный лист, с середины которого, из круговерти звёзд и галактик глядела на Аудитора... маленькая фигурка в домашней одежде и белом космонавтском шлеме. Малец сидел, устремив взгляд на кухонный шкафчик и довольно улыбнулся, когда длинная Степанова рука нырнула туда за подарком. -А какой будет год? –начал разговор Егорка, после чего вопросы посыпались как конфетти из хлопушки, частые, разные и порой неожиданные. И Степан снова удивился кругозору и знаниям шкета, не без доли, правда, некоей оторопи... Звонок в дверь прервал научную беседу. В открытую Калашниковым дверь вошёл Егоркин дед. Глянув строго на внука, на хозяина, на еще не вскрытый подарок покачал головой: – Ты, Егор, меру-то знай, чай замудровал уже дядю Степана своими «как» да «почему». Не пора

домой? Ты уж, Степан, прости меня, но паразит этот такие вопросы задаёт, что ни я, ни родители его, когда приезжают, не могут ему всего разъяснить, вот только от тебя когда приходит, ему денёк-другой, пока новых «почемуков» не напридумывает, вроде всё понятно. Вот и отпускаю... И скоренько почаёвничав, старый и малый, раскланявшись, ушли.

Аудитор опустил на табурет. Ну что сам он всегда после «сеанса» разный- это ещё ничего, что дед мальчика каждый раз другой- тоже нормально, но сам Егорка мало того, не меняется, так ещё всякий следующий приход ведёт себя так, будто помнит, что в прошлый раз было... -Хрень какая-то, – Калашников потряс головой. Но мысли не отпускали. Он понял, что устал и нуждается в неспешной прогулке по морозцу.

Утро зрело, наливалось светом. Навстречу начали попадаться прохожие, сначала редкие, дальше чаще. Из глоток метро выходили одиночки и компании, снимали маски и спустя секунды ничем уже не выдавая в себе страх перед «пандемией», кричали и веселились. Благодаря тому, что в людные места попадать хотелось не всем, народу было немного, только дети, казалось, были чужды опасению...

Аудитор шагал и шагал, не замечая празднующих, не считая ни времени, ни расстояния и думал про мальчика с умными тёмными глазами, которому ведомо, быть может, то, понимать которое сам Степан начал, да и то с долей сомнения, лет пятьсот спустя после первой своей попытки изме-

нить некий установленный в обществе порядок. Так, если мир своим ходом жил и развивался ещё до Калашникова, возможно Аудитором был тогда другой, неведомый ему человек? И отчего он, Степан, должен вечно брать на себя заботу о преобразовании жизни и предаваться тягостным размышлениям о том, какая доля и какой путь для человечества предпочтительней?

Несколько раз весёлые компании поздравили высокого мощного мужчину с наступившим, пожелали здоровья и перемен. Пару раз сам Калашников, улыбнувшись, ответил на поздравления. Но мысли его находились не здесь и не сейчас. Привыкнув мыслить эпохами, Аудитор близок был к главному, пожалуй, решению своей жизни. Чтобы не сбиться, не утратить решимости и совершить задуманное, он развернулся и быстро зашагал в сторону дома.

Не раздеваясь Степан достал «машинку», отметил довольно, что шлем с утра оставался на столе и, погладив нежно подлокотники кресла, опустился в него, в который уже в жизни раз скрипнув старой кожей. Развернул «лицом» к себе шлем, провёл рукой по его гладкой округлости и что-то громко перещёлкнул на «машинке». И снова загудело, и зашверкало, зазмеились проводки, но... Продолжал метаться вправо-влево маятник старых часов, воздух оставался вполне себе обычной плотности, да и за окном по-прежнему заканчивалось утро первого января.

Через несколько минут Степан отключил оборудование и

решительно встал. Почти тут же в дверь постучали. – Заходи, Егор, открыто! – быстро произнёс Калашников. Мальчик молча шагнул внутрь, затворил за собой дверь, и пожал протянутую навстречу руку. Степан еще раз оглядел его, очевидно надеясь и одновременно боясь передумать, после чего взял в руки шлем и протянул мальчику. Тот принял, но, беспомощно посмотрев на занятые руки. Вновь поставил на стол. – Дядь Стёп, – вынул из-за пазухи сложенный лист: – Тебе ...

Степан придержал тяжёлую дверь, не позволяя ей громко хлопнуть. Опустил ключ в почтовый ящик на двери квартиры, где жил с дедом Егор, и тяжело ступая начал спускаться по ступеням. Перед выходом из подъезда он остановился, вспомнив о чём-то и достал из внутреннего кармана куртки сложенный плотный лист. Поверх звёзд на листе большими буквами оказалось начертано «Всё будет хорошо!». Губы растянула улыбкой. Спрятав снова лист, Калашников шагнул в снегопад...

По белому городу, щедро засыпаемому крупными неторопливо танцующими снежными хлопьями задумчиво шёл человек. И чёрная, крупной домашней вязки шапочка, и плечи куцеватой для его роста куртки, и рюкзачок за спиной давно побелели. Направлялся усталый путник в сторону городской границы. Расстояние между следами его медленно сокращалось, и сами следы, оставляемые в свежем снегу, делались менее глубокими и чёткими и в конце концов пропа-

ли вовсе. Но согнутая тёмная фигура с трудом переставляя ноги и шаркая, ещё долго была видна на окраинной улице.

Потемну из двери подъезда многоквартирного старого дома на залитую огнями улицу выскочил легко одетый шкет. Покрутился у ёлки, пристроившись к стайке ребят, чуть постарше, бабахнул несколько раз в ночное небо хлопушкой, покатился по льду, разбежавшись и не удержавшись на ногах, упал на задницу. Пара пацанов одного с ним роста, появившись будто из ниоткуда, подхватили шкета под руки, подняли и потащили куда-то, вереща ему наперебой в оба уха. До момента, когда детей обычно загоняют по домам, компания эта появлялась во дворе и исчезала много раз и всякий раз все члены её казались довольными не только продолжением праздника, а всей своей настоящей и будущей жизнью.

Направляясь домой, Егор тихонечко открыл дверь квартиры дяди Степана и неслышно притворил её за собой. Памятуя, откуда что обычно доставалось и куда пряталось, мальчик быстро навёл порядок в комнате и кухне. Уже уходя, в коридоре, оглянувшись, вернулся и опустился в кожаное огромное кресло. То довольно хрюкнуло под невесомой пятой точкой. Мальчик захохотал, вскочил и словно и не было никого в пустой квартире, только щёлкнула захлопываемая дверь.

Когда город начал просыпаться и выходить на улицу, из-за шторы на окне квартиры Калашникова во двор выгляну-

ла вихрастая головка. Двор выглядел один в один, как и вчера, как дни и годы назад, вперёд, сейчас... как он должен выглядеть, чтобы всем было одинаково удобно в нём жить. А раз уж каждый двор в порядке, то и миру вряд ли что угрожает, пока... Пока подрастающий шкет-почемучка с умными серьёзными глазами помнит, где хранится белый шлем, одинаково похожий на шлем космонавта и глубоководного водолаза. По улицам бежали, поскользываясь на свежем снежке, пешеходы, городской транспорт периодически выбрасывал на тротуар толпы граждан в разноцветных масках, люди торопились и опаздывали, заболели и излечивались, любили и расставались. Всё шло по заведённому издавна.

Пы. Сы. В мире не бывает ничего, что было бы самым важным в определённый период времени. Всё, что случается не случайно, оно должно произойти, чтобы дать посыл чему-то следующему, что, в свою очередь, обязано повлечь за собой...

А Серёга благополучно выздоровел уже спустя неделю... Куклина, пройдя через остеопата, почувствовала себя едва ли не лучше, чем до аварии, а потерявший сознание доктор госпитализирован, пролечен и вернулся к работе. Да и массочный режим в связи с затуханием эпидемии вскоре отменили. Только вот... Егор, Егорий-Победоносец, как зовут его одноклассники, порка не вырос и шлем болтается на его голове огромным аквариумом... Но всё в мире будет Тип-топ! Только что было нехорошо, нехорошо, и вдруг без всякого

повода к улучшению- отлично. Верю. Зуб даю!

Только я продолжаю ездить по стране, всякий раз приезжая даже в знакомое место, находя его в чём-то другим. Проявляется это «другое» не только в естественном застраивании городского пространства зданиями и сооружениями, не столько во времени ожидания и количестве пассажирского транспорта, наличия заведений общепита, мест в гостиницах. Само общество зачастую представляется совершенно иным, с непохожими на прежнее привычками, приоритетами и менталитетом. Так может и начал Егорий понемногу своё обучение? Можно ли миру без присмотра, без нового Аудитора? Или мы сами, все земляне, растём вместе с ним?

Если есть умные головы, ответьте на этот вопрос, ибо не дано мне в силу возраста и ограниченности мышления вникнуть в тонкости миропорядка. Единственно, что считаю для себя возможным, когда-нибудь скоро надеть рюкзачок и отправиться в зимнюю ночь, чтобы сам след мой в конце концов пропал под снегом... Может и от этого кому-то станет лучше.

Черти не ангелы.

Жить вдруг стало мутно... Тоска зачастила. Хандра навалилась, непонятная и навязчивая, словно возжелавший набиться в кореша мутноватый типок, да и мысли стали посещать доселе полупустую башку странноватые, навроде того, что на полной скорости в бетонную стену, али пулю в ви-

сок...

Одним словом- полный пи.дец. Прямо-таки напороться захотелось в зюю, упиться в стельку, и нахерачиться в сиську... И всё, представьте, одновременно... А сие проблематично, потому что водку и коньяки -бренди -виски не люблю, а предпочитаю вина, от которых в первую, да и во вторую, третью, и так далее очередь, больше переполняется жидкостью желудок, чем истиной черепная коробка.

Ох, житие мое... И прикупил, значит, я после мучительного выбора четыре бутылки винища. Что-то и дома ещё оставалось... Какую-то несущественную мелочь на пожрать взял, новую флешку... – так, на всякий пожарный, и направился разбираться в себе...

И процесс, прикиньте, не пошёл... Ничего для себя не прояснил. Только на завтра на службе весь день тяжело, да ленно шевелиться было. И ввечеру пришлось снова напрягать магазин... И мозг... И желудок...

Но снова не в кон -после первой вырубил. Сказалось, думаю, повышение концентрации "истины" в организме.

Ночью толчком очнулся. Слышу- рядом кто-то лакает мой эликсир мудрости. Именно лакает- по звуку, ежели... Нагло и без спросу. Поднимаю голову, что, смею сказать, оказалось непросто, и вижу вдруг незнакомого мужика... Ну оно, конечно, стоило бы ему в репу, но такое всё ватное, неторопливое и милое вокруг, что... На манер Ивана Бутько из "Свагов" спрашиваю добрейшим голосом: -Ты кто будешь?

– И- сил-то не хватило спросонья на длинную фразу, добавляю: -Добрый человек...

Паразит хрюкает, давясь от желания засмеяться, наличия вина в глотке и боли. Оно, хоть и со сна, а первым делом я вместе с вежливым к типу обращением стул из-под него вышибить успел, от чего он пятой точкой строго вертикально приземлился... и взблеивает несуразицу какую-то... Понятно, сразу и слова изо рта, и "Херсонес" мой из глотки, и наше до боли русское "бля", очевидно из воздуха, нашего российского раздалось... Ничего я, короче говоря, не понял.

Встаёт мужик, одной рукой вокруг шарит- стул ищет, другой- губы вытирает, не по нашему- рукавом, а пальчиками, и губы в улыбке кривит: – Здравствовать вам, Олег Николаевич!

–Ага. Аналогично. -отвечаю.

–Ты кто, болезный? – в отличие от незнакомца я-то сам не всегда любезен с проникшим в мое личное пространство, не сказать больше.

– Вы не поверите! – лицо его стало интеллигентным и приличным, но что-то неприятное, чуждое моему восприятию в силу некоторых личных неприязней оставалось всё же: – Я- чёрт.

– Понял, ты- чёрт, ну а чего приперся -то? Думаешь из-за масти твоей я тебя и в окно не выброшу? -что, в общем-то и недалеко от реально могущего развиваться скоропостижно сценария... Причём, даже в трезвом состоянии.

–Ну-у, -нечистый губы трубочкой вытягивает: – Вы ещё типа того- молитву там, или крестное знамение вспомните!

А меня, не пойму, с чего вдруг, такое на него зло взяло...

–Или, может, плюнете через левое пле....

И не успел закончить, как невесть откуда взявшийся в моём пересохшем рту сгусток наипресмачнейше шмякнулся на досиня выбритую щеку бесяры.

–Да что ж Вы так всё буквально-то? – и в кармашек за платочком потянулся холёными пальчиками...

–Ага, – отмечаю: – Стушевался... Значит план "Барбаросса" у него не пройдёт!

Вытерся чёрт. Снова спокойнее могилы стал. И прилизаннее, да слаще отвратительного мажора. А я ему язвительно так: – Не сам ли напросился?

– Тише-тише! – вот гнида, он ещё и улыбается... И произносит, ну прямо диктор центрального телевидения: – У нас есть информация, Вас на данном этапе жизни сильно интересующая и мы решили Вам её предоставить совершенно бескорыстно.

Тут уж я начинаю рукой вокруг шарить... А нечистый с гаденькой такой, приличненькой и вежливой улыбочкой – вот с.ка- мне уже протягивает бутылку. Тянусь навстречу и смотрю в бесовские глаза... Тот хмыкает -телепат долбаный, и раз- в другой его руке штопор образовался. Причём- не мой.

–Дякую! – почему-то буркаю, завинчивая штопор в мягкую плоть пробки.

–Будь ласка! – и опять лыбится снисходительно...

Конечно, я уже понял давно, что "чёрт" он не по масти, а в натуре. Чёрт, бес, нечистый, лукавый... Хотя, кого, таки, я обманываю? У меня, здорового доселе и малопьющего, "белочка" и вот-вот меня помчат, полагаю, в "дурку"...

–Да не волнуйтесь Вы, никуда Вас не отправят. И не такие ещё живут... на воле.

– Черт нашёл стул и приспособил под себя. С чувством глубокого удовлетворения- живучи советские стандарты речи- отмечаю, что, сев, скривил в болезненной гримасе тонкие красивые губы.

– Мы располагаем ответом на вопрос о том, что Вам мешает и как, чего не хватает в Вашей жизни и каким, собственно говоря, образом это исправить. Всё это мы... я готов предоставить, повторяю, бес-ко-рыс-тно.

– Конечно... Договор. Роспись. Душа... – после пары стаканов разговаривать становится даже приятно... ну и чёрт с ним, что с Чёртом...

– Ну, – поднимает задумчиво собеседник (недавно был нечистый, тип...а теперь, вон, оно, как... скоро чуть не братаном называться будет): – Думайте, пожалуйста, что условия за века изменились. А и того лучше, считайте, что Вам просто дичайше повезло. Даже не как там у вас сейчас "Три по цене одного", а Джек-Пот... И лишь Вам одному и выпал-Та-Да-Да-Дан- выигрыш. А душа Ваша, – он поиграл мимикой, вытянул губы и наклонил пару раз голову вправо-вле-

во: – Вот для нас именно- не самая подходящая вещь... Как, впрочем, и для конкурирующей фирмы... Розумиешь?

– Так. А что это так вдруг мне-то подфартило? – от выпитого стало внутри хорошо, аж и подвох искать расхотелось: – Оно, спасибо, конечно... И руку, как хорошему знакомому тяну.

Собеседник смутился: -Тут мой залёт. Тоже, понимаете, в некоторой прострации, а тут и, вроде- наш клиент, и, опять-таки... – кивает на бутылки: – Ин вино веритас...

– Да, братан, – выплёскиваю остатки из бутылки в невесть откуда материализовавшийся стакан и опускаю пустую на пол: – Давай!

Минуту спустя мы с Аполлодором пили следующую уже бутылку... Минут через десять-пятнадцать откупоривали ещё одну. Я успел распухшим до размеров половины вселенной мозгом осознать, что Полик, грубо говоря, где-то накосячил слегонца и решил это как-то забыть- бесы неподотчётны своему начальству и непроверяемы им, но, как он сказал- всё равно чертовски неприятно. Звёзды же, следуя своему божественному замыслу, повернули мир так, что на чёртовом пути его оказался я. Вот уж, ни за что без новой бутылки (а то и двух) не разберёшься, кому из нас двоих повезло больше.

И тут как раз и произошёл очередной "залет" – я его увидел. Черти не мы- валить свидетеля у них не то, что не принято, но и в голову никому не придёт, вот и решил дукавый

умаслить его, то бишь- меня истиной...

–А принимаешь, как иногда бывает? – опустил руку мне на плечо. а другой расплескивая влагу с завода неподалеку от монастыря св. Клементя, шипел нечистый: -Вот что-то, ты пнял, кажись... В мозгу как озарение, «Пых-х» и пошла волна во все стороны и что?

–Да! Что? – смотрю в его вполне себе человеческие пьяные глаза: – Куда пошла волна?

Чёрт насмешливо поднял палец: – А вот ты мужик? Мужчина? Он приблизил своё лицо к моему.

–Уйди, пртивный, – легонько, чтобы не упал, отталкиваю от себя его плечи: – Ты мне не нравишься. У тебя и сисек нет и вообще ты не блондинка и даже... не брюнетка... Я тебя не хочу... Тьфу,бля – ты же ваще- мужик...

– Стоп! -отрицающе крутит головой: – Я не мужик, мы не бываем ни мужиками, ни наоборот... Так мы устроены... Ну, чтобы, значит не зависеть от- он нарисовал пальцем как бы спираль – от природы. И ты меня не уважаешь. Обижаешь брата своего! Иэхх...

Я опять, в который уж раз, разлил по стаканам... Стаканы снова, как и прежде, поменяли форму, цвет и размер...

–Так вот, волна от, вроде как, озарения пошла... пошла во все стороны от мозга и вниз, а там...Ты мужик? – он снова придавил меня к стулу- У вас есть такой специальный клапан от излишнего озарения. – Черт показал пальцем на мои... гениталии.

Я непонимающе поднял глаза на его лицо. Аполлодор торжествующе молчал, хитро кривясь губами. Тщётно пытался я незаметно для него разглядеть в причёске рожки... И, чёрт его знает, сколько бы еще времени его чёртова рожа демонстрировала моему нетрезвому самолюбию свое интеллектуальное превосходство, кабы не понял он вдруг, что-я-то со стаканом, а его руки- на моих плечах и, стало быть, я ближе к полусладкой истине...

Он выпил молча, облизнул губы и снова поднял вверх палец: – Когда в вашем организме чего-то больше, чем конкретному разуму дано пережить, от чрезмерного давления кровь, – он сделал короткую паузу, трезво глянув мне в глаза: – Кровь наполняет этот клапан. Он становится больше, твёрже... Понимаешь- бес нависал надо мной, как профессор медицины над туповатым первокурсником: – И ваше озарение, понимание, решение... всё устремляется в ... к этому клапану и включает со-вер-шен-но другую функцию....

–И именно для этого тот, кого вы называете богом, и поделил вас на мужчин и женщин. Пойми, брат! – черт уже кричал: – Нет ни супергениев, ни людей, способных изменить мироустройство! Есть мужики и бабы!

Я вздохнул и смог только ответить: – И всё? Да это козе понятно. Полик сник и расслабленно опустился на стул: -Так ты знал?

Я пожал плечами. -Естественно. В чём ваш секрет-то?

Тот допил. -Да в этом и есть. Или, думаешь, есть ещё что-то, что настолько же сильно действует на вас? Мы пытались... Золото, слава, наркотик. О, – он ткнул пальцем в пустую тару: – Алкоголь- работает, но намного слабей... Поэтому пить можно и бросить, но искать себе половинку на некоторое время- не бросишь никогда. И ты будешь оправдывать себя, придумывать правдивые истории в первую очередь для самого себя и убеждать себя считаться высокоморальной личностью.

Нечастный чёрт протянул руку, поднял двумя пальцами зеленую бутылку, последнюю и уже опустевшую и встал. Неожиданно легко для столько выпившего человека поднялся, но на то он и чёрт. Одним движением оправил безукоризненный костюм, только что- готов поклясться- выглядевший кое-где облитым вином и протянул мне руку: – Ну, давай. Рад был нечаянно заглянуть. Всё-таки хорошо с вами, черти! – Он запнулся и вновь глянул в глаза: – Вы совсем не такие, как мы.

Я пожал его влажную ладонь: -Да ради ж бога- и посмотрел в лицо нечистому: – Заходи, если что.

–Он покачал головой: – Однако! – и погрозил пальцем, улыбаясь, тем не менее, открытой улыбкой.

– Да, и ещё, – сделал, было, пару шагов к двери, но обернулся: – А знаешь, еще один секрет, что, -он перешел вдруг почти на шепот: – Этот ваш клапан в организме можно вырубить на некоторое время! И опять этот нечеловеческий

взгляд свысока: – Знаешь, чем?

– Ах ты, чертов академик, – я показал на батарею пустой посуды и чёрт стал как бы пониже ростом.

– Вы и это знаете? На лице у него появилась печать недоумения.

– Так, Полик, не пальцем, чай, деланы, а, таки, по божьему подобию...

– Да-да- только и сумел произнести бес и сделав шаг, рас-творился в воздухе.

Часа через два-три за окном стало совсем светло. Встав, довольно таки легко, вопреки ожиданию, с дивана и чудом не убившись о два ряда бутылок, выставленных в шахматном порядке, сходил умыться и оживиться стаканом воды. На обратном пути обратил внимание на два стула рядом с диваном и пододвинутый журнальный столик. На столике- стакан... Один... Правда не мой и мною никогда досе не виденный. Рядом со стаканом два штопора и сложенный пополам лист бумаги.

Дрожащей рукой развернул лист. Так и есть – читаю "Договор"... Ну, точно, оно и есть -душу по пьяни продал...

На листке, поверх типовых обязательств сторон при получении услуг в виде: богатства, бессмертия, знаний... – нужное подчеркнуть... наискосок красивейшим почерком крупно выведено "Хорошо посидели. Спасибо. Болеть с утра не будешь. Дай... Бог тебе здоровья."

А ниже- "Если вы такие умные и всё сами знаете, что же

живёте то так... херово?"

Пы.Сы. И если вы такие все из себя умные, но херово живёте, что же с вами так хорошо то?

Пы.Пы.Сы. Ты- думаю могу уже на "ты" – Единственный, кто после встречи с чёртом- как вы нас называете- не забудешь об этом. По крайней мере, за последние 300 лет. Не беспокойся за рассудок- с ним всё нормально. И ещё бонус... По-братски – в самом крайнем случае имеешь право на ещё одну персональную услугу... Халява. Помни мою нечеловечески божественную доброту, чтоб её ...кто-нибудь побрал!"

Я тупо лупал трезвыми совершенно зенками, ровным счётом ничего не соображая, пока каллиграфическая надпись не начала исчезать. Пропадала она от начала написанного к концу, и я успел еще раз прочитать... " ...кто-нибудь побрал». В конце концов и эта концовка минуты за две-три до конца истаяла. Сам лист в мгновение ока осыпался пеплом.

Некоторое время посидев в прострации, я сделал все обычные свои утренние дела и стал одеваться на выход. Я теперь знал смысл жизни, был посвящён в высший замысел, стал мудрей и выше, но ... отчего-то было муторно и хандра навалилась непонятная... Одним словом – полный пи..ец ...

Залез в карман, нащупал смятые купюры и спросил своё отражение в зеркале: – И что ж мы так живём-то херово? Напороться, что ли, в зюзю, упиться в стельку, а не то нахерачиться в сиську?

Не торопясь обулся и захлопнул за спиной дверь. До от-

крытия магазина оставалось двадцать минут... Житие мое...

Персональная услуга...

«По-братски – в самом крайнем случае имеешь право на ещё одну персональную услугу... Халява. Помни мою нечеловечески божественную доброту, чтоб её ... кто-нибудь побрал!» -Вспомнил приписку к письму, что некогда оставил мне нетрезвый нечистый. Вспомнил, когда, начитавшись чужих пречудесных, пресмешных рассказов и сам возжелал сделаться популярным, да до чёртиков востребованным.

То, что услуга халявная далеко не означает, что обойтись она мне обязана за три копейки. Просто душу, бессмертную и трепетную, не придётся за неё отдавать, что при моей деревенской... скряжности стоит многого. И отправился, памятуя бесовскую бесову страсть к истреблению «Зеленого Змея» в «Красное и Белое», веруя в причастность собственников его к святому и вечному. Закупился привычно божественно, ничтоже сумняшеся отстегнул требуемую сумму, после чего затосковал скупердяйно, удавил внутри душащую при мысли о деньгах, жабу и поехал домой ожидать чёртова визита.

А этот друг мой- бесья морда, только ведь на выпивку и зайдёт, разве. Просто зайти, думаю, чёртова служба не даёт. И начал употреблять...

Только или Аполлодор был сильно занят, або далеко где находился, либо сам я от огромного желания стать извест-

ным переусердствовал, но... Утром обнаружил себя вновь с батареей «пушнины», пустой и частично раскатившейся по квартире, и невероятно больной головой. Следов беса, даже кабы они и явно были, искать возможным не представлялось по состоянию организма.

Но коли чего уж хочется, в стремлении надо до конца идти. И чтобы самый-то конец приблизить, повторно в магазин тащусь. Только в другой, поближе, понимаешь, да попроще.

Отоварился по новой. Вышел, соображаю, как пойти. Какой, значит, дорогой, что твоя Красная Шапка. И двинул напрямки через «лес». Лес, он конечно не лес, десяток деревьев, столько же пеньков, несколько дурно пахнущих кустов, да фауна в виде пары местных алкашей, плюс голов пять бомжей, обитающих здесь с той ещё эры. В смысле не Мезозоя, а Ельцинизма, конечно...

Иду, жизни радуюсь. Опять-таки уточняю- не своей сегодняшней, на всю башку похмельной, а тому, что хоть двигаться пока могу, а стекло в пакете эдак позвякивает валдайственно, как прямо в церкви на Пасху с колокольни. Ну фауна пасущаяся, у них же за эволюцию чутьё собачье образовалось и все носом поводят, да остальными членами трепетание изображают вполне себе нервное... Так вот, гляди, и упали бы замертво, чтобы их мёртвой и живой водой отпаивали. Алкаши, те вообще привстали, место на скамеечке ослобонили: –Присядь, – мол- Дорогой товарищ, отдохни. Поговорим за жизнь, поправки, да реформы...

И как мимо народу пройти? Я ж- уверен- завтра знаменитым стану, не можно ж нос-то задирать перед своими пацанами. Слава богу, не в Думу собрался, а в мировые всего классики. Устроился с мужиками, беседую. Матерных слов – ни-ни. Ни я, ни они. Всё-то у нас может и нелояльно, нетолерантно и без пиетета к правительству, но чинно, прилично и порой цензурно.

Совсем не алкаши Геннадий и Лексей, милейшие люди, ежедневно запивающие мелкие бытовые неурядицы до ровного настроения... Да и «фауна» рядом расположилась, кто про нейронные сети, кто о жидофобстве молодого Чехова, а иные взахлёб варианты развития родной нашей экономики в эпоху скачкообразных изменений цен на мировых биржах...

И я тут же, бутылки уже пооткрывал, рот, тоже- а как иначе- полемика... И чувствую- мудрости народной понахватался, то про евреев, то чуть не морды депутатам бить призываю, а то вдруг удивляюсь, что в экономике, чего в жизнь не наблюдалось, разбираюсь...

Выпили, побратались, авторитетнейшие все парни, я, как угощающий и по всем направлениям подкованный, вообще-гуру... Сидим, мировые проблемы решаем, только краем глаза мне вдруг некто лишний мерещиться повадился. Скошу глаз- вроде пусто за левым плечом, только нить разговора, а оно нелегко, когда речь обо всём сразу ведется, уловлю, снова будто маячит кто...

Чертыхнулся в сердцах, а сзади: -Здрасьте Вам с кисточ-

кой... Чёртушка мой дружбанистый нарисовался... Тут и Гена с Лехой трелью подавились, и фаунные эксперты могучей кучкой по-рачы задом пятиться начали... Ещё бы, первая мысль: «До чёртиков напились...» И уже один я перед Аполлодором стою.

Спиртного нет, желания остыли, слова и те с нетрезвых губ не слетают, к ногам соскальзывают... Но наехать на «должника» – дело святое...

– Ты... там я оно... гений рсской литратур... Но бес он на то и бес, что в душу залезает и слов ему не нужно. Терпеливо и спокойно, как пьяная пионервожатая в лагере когда-то, оправдался чёрт. Что про бесплатную услугу он, разумеется, помнит, нарушать договорённость в мыслях не было, только вот находился некоторое время за гранью реальности, в ближайшее время большинству недоступной, и выбраться потому сумел за сто лет в обед... Это по-тамошнему запредельноразумному столько лет мечтал я, значит, о славе.

Замолчав Аполлодор заглянул в суровые мои глаза и промолвил с усмешкой- чуть снова не написал-бесовской: – А ты, однако, преавторитетнейшим, важным тут гоголем сидел. Какой, понимаешь, кворум собрал и все в рот тебе заглядывали. Приди снова завтра, так снова сбегутся, даже на одну всего портвейнину. А буде, и ещё когда, так и в другой раз все тут станут. Это, брат, популярность нечеловеческая. Креплёная святым градусом ваша русская мужицкая солидарность, которой ни чёрт, ни бог не разрушат.

Полик опустил задумчиво на освободившуюся врытую в землю лавку, покатав носком пустые бутылки, удостоверился в отсутствии там даже капли спиртного и вздохнул тяжело. Я сел рядом. Было неудобно. Ведь приобреталось пойло для него, а вот поди ж ты...

– Да не тушуйся ты так, – бес был спокоен, и спокойствие, трезвость его, да твёрдость духа передались мне: – Услуга твоя, бесплатная, персональная и... братская остаётся в силе. Я пожал чёртову честную руку. Голова стала ясной и легкой, руки- снова крепкими, ноги держали мою скромную персону надежней, нежели с полчаса назад спикера лесного дискуссионного клуба и отца местной передовой экономической мысли...

– Только... это... – Апполодор, уходя уже, повернулся: – В следующий раз того... алкоголь в «красном и белом» не покупай. Найди что другое. Я не против религии, но... Нет на них честного контролера... Да и некошерно, по правде сказать.

Воздух за ним схлопнулся и место, где только что поблескивала пустая посуда опустело и приняло облагороженный вид. День продолжал... продолжаться и требовал новых дел, идей, замыслов. – А не написать ли что самому? – закралась шальная мысль и начала сумасшедшим кротом копошиться в мозг, щекоча и раздражая разум... Понял- единственное, что можно сделать с этой паразиткой- выписать её до последней букочки... Ну, таки, вперёд...

Вместо чёрта- Ангел.

Из ничего возникли новые проблемы, решения которых из-за лени и нежелания шевелить мозгой даже не планировал и начинать самостоятельно. Требовался советчик, специалист и почти друг. Чёрт Аполлодор, пожалуй, подошёл бы, как никто иной. И ровно настолько, насколько смог вспомнить схему его призывания, произвёл мысленный ритуал.

Состояние моё было вполне уже под стать его нечеловеческому визиту- от меня совершенно явственно и благородно... пахивало «Древним Херсонесом» и сознание приятно клубилось в пампасах и прериях мозга послемустанговой пылью. Ожидая, прикрыл глаза и принялся уже обдумывать «звонок другу». Негромкий шорох рядом заставил представить Аполлодора удобно и уверенно расположившимся в кресле напротив и глаза мои сами собой раскрылись.

Вах. Что такое? Возле меня, чуть сведя внутрь носки новых почти белых ботинок довольно большого размера, стоял, слегка сутулясь, высокий мужчина возрастом от 25 до 75 лет, одетый в малость ему великоватый светлый костюм. Блондинистая длинная шевелюра просто, аккуратно, даже как-то изысканно существовала на голове самостоятельно.

Мужчина смотрел на меня, не решаясь, очевидно, начать первым, но некое чувство, наверное, заставило сделать первый шаг...

—Олег Николаевич? Меня называют Ипполитом. Такое,

понимаете ли, дело, что... Должен был прийти, и Вы, знающеждали его, – Аполлотор, но, понимаете, индивид этот непредсказуем и необязателен почти настолько же, насколько компетентен и незаменим в иных вопросах и...

Высокий человек помялся, изобразил страдальческую гримасу, снова успокоился и произнёс: -В общем, вышло так, что я... проиграл ему в карты, и его условием стал мой визит к Вам. Я, смею напомнить, неким образом уже представился, но могу добавить, что я ангел. Причем ранг мой в соотношении с рангом вашего некоторым образом, друга, на пару ступенек выше. Поэтому обижаться, полагаю не на что.

– Очень рад Вашему визиту и знакомству, но... это мой друг и возможно проблема рассосалась бы незаметно, коли бы мы просто потрещали, выпили и посидели, но раз уж вышла подобная оказия, отчего бы не провести время с личностью более светлого плана, чем чёрт? Даже учитывая, что он старый твой знакомец. -Я сделал пригласительный жест рукой, и пришелец быстро и легко опустился в кресло.

–По существу Вашего, уважаемый, вопроса я не все окончательно для себя определил, – он обхватил подушечки кресла длинными пальцами и профессионально-заинтересованно посмотрел мне в лицо.

–Профессор... Доктор Фрейд, – защелкало в мозгу. Визави слегка смутился, заёрзал... -Да понимаете, Ипполит, Вы сколько уже ангелом? Кстати, хотел бы ещё и насчет крыльев спросить...

Тот откинулся на спинку, просветлев лицом оттого, видно, что вопрос оказался куда проще, нежели им ожидалось. – В таком чине долгонько по вашему счёту. Да и по-нашему не сказать, что вчера начал. Насчёт крыльев, опять же, – он наклонил голову и тихим голосом нараспев – Неудобно это во всех смыслах. И с одеждой напряги, и с нахождением в человеческом обществе, и с тем же, например, перемещением хотя бы в немного уже ограниченном пространстве... И, как вы могли уже, очевидно, заметить из опыта общения со мной и уважаемым Аполлодором, появляемся мы без лишних эффектов. Просто –Р-раз, и тут. И никаких опусканий на трепетных крылах, горений серы, небесных знамений и громких хлопков.

Естественно, пришлось мне признаться, что это соответствует истине, и что именно так-то оно и лучше. Он одобрительно кивнул. Пока всё у нас срасталось и точек непонимания оставалось меньше и меньше.

–И, всё же, дорогой Вы мой человек, в чём у вас необходимость нашего... – Ипполит слегка замешкался- Посещения? Я должен что-то разъяснить, устранить, либо обеспечить?

Тут уж пришла моя очередь озадачить гостя. – Дело не будет стоять выеденного яйца ни для вас, ни для меня. Так уж, ваша ангельскость,– глянул на него, пытаюсь определить, зацепил ли обращением- Получилось, что от того, что мне ведомо, что неведомо, от некоторых личных моих «тараканов в голове» и предпочтений в познании, общении и ме-

тодах прийти в нормальное расположение духа, необходимо мне было просто-напросто поболтать, да, возможно, выпить с человеком проникновенным, умным и знающим, будь он хоть чёрту брат... А с Аполлодором мои разговоры именно таким образом строятся и все непонятки раздуливают. Так что, брат ангел, может божественной-то влаги?

Тот поискал глазами вокруг и посмотрел на меня. –А вот представь- нету! Ангел задумался самую малость времени, сделал неуловимое движение рукой и на столике появились два наполненных бокала. У меня в душе не шевельнулась ни одна струна. Он же, вот что значит- душеспаситель-профессионал, произвёл новый пасс, рокируясь, вместо бокалов явив раскупоренную зелёную бутылку с парой бокалов ненаполненных...

Стоит ли рассказывать вам, читатели, что беседа дальше шла складнее, бесппроблемнее и понятнее? Думаю, нет. И покончив с ... вопросом первым, приступили ко второму... И, по-моему, не только я пришел в ожидаемо ровное состояние, но и высокоранговый мой невольный гость сделал для себя по работе пару важных выводов касаясь чайний и желаний простых смертных, кои вовсе не здоровья, материальных благ и выгод жаждут единственно, а и о спокойствии души задумываются нередко.

А после вдруг ангел вскинул голову, пару раз кивнул и с сожалением развёл руками...

– Чёрт, он и есть чёрт, хоть и парень неплохой. Мне, неко-

торым образом, пора назад. Друга Вашего, понимаете, «бомбит» наша «консультация». Грозится впредь карточные свои желания «фильтровать». Я протянул Ипполиту руку, ощутил ангельское рукопожатие, не могу даже описать по-человечески ощущение от этого, и с благодарностью за общение отпустил гостя.

Снова опустился в своё кресло. На столике звякнуло стекло. Початая бутылка с бокалами исчезли. Я невольно фыркнул. Передо мной снова материализовался бокал. Наполненный.

—Ох, Ангел, ничего ты и не понял, что ли? Столик опустел и только тихое хихиканье некоторое время дотаивало в воздухе... И вот есть ли мне из-за чего терзаться теперь, да размышлять, кто мне более в компании приличествует из этих двоих? Да они настолько же стоят как меня, так и друг друга, насколько в нашем физическом, духовном и прочих мирах все переплетено меж собой, перепутано и следует одно из другого... И насколько всё это, что и составляет все ведомые и неведомые наши жизни, важно и необходимо...

Так что, господа-товарищи Ангелы, да черти, вы того, давайте уж запросто, не такие уж мы и разные... Чинненько, благородненько, да не упиваясь, глядь, да и проясним для вселенной пару-тройку моментов... Мало ли?

Двое и она.

— Ага, скажи ещё «Плохой парень, хороший парень и

она», – Аполлодор замолчал. Мы сидели на скамейке в тени аллеи и кайфовали от комфорта, создаваемого высоченными старыми деревьями, что не вырубил по каким-то причинам городские службы.

Пару дней назад с работы, с верхотуры крыши, где руководство поручило озаботиться готовностью кровли к предстоящим осенью дождям, заметил две знакомые фигуры, неуловимо отличающиеся от массы разнокалиберных особей мужеского полу, бегущих, фланирующих и восседающих на новом пешеходном бульваре. Фигурами были старинный мой приятель Аполлодор, ангел Ипполит и безвозрастная дама, чей род занятий даже предположить оказывалось невозможно. На самом углу перекрестка, где бросить авто нормальному водителю и не вздумалось бы, припаркованы сикось-накось белая Нива-пятидверка, в хлам тонированная чернейшая Камри и магических отливов синего Фордовский фургон. Что выглядело странноватым, ни единый экипаж ДПС, даже притормозя для объезда «неудобных» стояльцев, в мыслях не поимел не то, что принять меры, а и поинтересоваться личностями наглецов.

Оживлённая жестикуляция чёрта с ангелом и сдержанные движения дамы смотрелись, будто истинная леди, поставленная между выбором спутника жизни из двоих присутствующих, отвергает обоих, не в силах выбрать лучшего из двух достойнейших.

Ангел хватал девушку за руку, пытался встать на колени

и стучал себя в грудь. Чёрт время от времени тоже начинал размахивать перед собой руками, раздражаясь длинной тирадой... Дама не единожды порывалась уйти, раз даже сумочку оставила в руках одного из осаждающих твердыню её девичьей души... Но за хлопотами и разглядыванием трещин в рубероиде все перипетии общения троицы разглядеть мне, естественно, не удалось, а когда, обследовав крышу, снова глянул вниз, по свободной улице спокойно катились машины и ничто не напоминало уже «стрелки» тёмных и светлых сил на пешеходном бульваре.

А в обед следующего дня, едва вышел я на волю из здания, у курительной скамеечки нашей организации возник элегантный высокий силуэт. Окружающие мачи, да и хачи, почувствовав отчего-то себя неуверенно, рассосались, позволив нам с Аполлодором выбрать место, где нам удобнее было бы сидеть.

– Зубная фея. –И оценив мою реакцию на сказанное продолжал.: -Вообще-то это Ангелова инициатива, насчёт последнего подарка, но такая она нерешительная, что пришлось вмешаться. –Я попытался раскрыть рот, но он снова опередил: – Бабулька. За девяносто. Жизнь прожила такую, что кабы я, или, скажем, Ипполит, столько сделали бы, напору повышать на пару ступеней. Так-то вот. И на старости лет- Альцгеймер. Вот и решил ангел, когда её последний зуб выпал сам собой без боли, крови и эмоций, дать ей напоследок вспомнить эпизод из детства, сказочно далекого и нере-

ально счастливого, когда она первый молочный зубик мышке отдать готовилась. А фея, даром, что у неё память девичья, их только так и отбирают на профпригодность, ударилась в непонятки...

Чёрт огляделся вокруг. Мы сидели, вольготно расположившись на скамеечке, которую люд, казалось не замечал, пробегая мимо. Раз только бутуз трёх-четырёх лет внезапно заинтересовался Аполлодоровой персоной и остановился, в упор его разглядывая. Лицо чёрта сделалось резче, нос отчего-то стал больше и горбатее, над висками обозначились рожки, а глаза засверкали угольками. Пацана как ветром сдуло. Друг же мой веселился, словно сам был ребёнком.

–Зубных фей немного. И память у них никакая потому, что ну ни разу это не принципиально, чтобы только первый утраченный зубик одарить. Любой ребёнок втайне надеется и на забывчивость мышки, или феи, и на то, что взрослые просто забыли всё, связанное с подарками за зуб, и на страшнейшую где-то в мире, может и не нашем, нужду в выпавших молочных зубах... И кому такая вера может помешать? Уж в нашей-то «конторе»– точно никому.

И снова я не успел задать вопроса, на который уже звучал ответ: – Вот только не надо опять начинать расспрашивать про тёмные и светлые силы, да извечное противостояние добра и зла. Ты же знаком немного с восточными религиями, в которых ясно сказано, что ни того, ни другого не существует? То-то и оно. Мы, и черти, и ангелы, существу-

ем и работаем в одной гигантской структуре и делаем одно дело. Вот чтобы попонятней, -он указал пальцем на чувака с метлой, орудующего в десятке метров от нас: – В домоуправлении же не могут одни и те же люди и производить уборки газонов, устранение засоров, и прописку жильцов с оплатой услуг... И мы поделены на отделы всего лишь по роду осуществляемой деятельности. Это кто-то, который хедер в свое время прогуливал, придумал фразу -силы добра и силы тьмы, сам себе даже не совсем в силах понять и объяснить...

Аполлодор пошлёпал носком безукоризненно вычищенного ботинка по плитке- у меня в мозгу снова представилось копыто внутри него- и усмехнулся. Нет, определённо невозможно нормально общаться с их братом-чёртом...

–И вообще, – он покрутил в воздухе пальцем: – Вы, человеки, бы поосторожней с апостолами-то. А то, понимаешь, они невесть, когда понаписали для не пойми кого, да незнамо зачем, одно на другое непохожие эти Евангелия, а вы, не раздумывая и не сопоставляя, их за неоспоримую истину принимаете. Небось вон даже недавнее обнуление, новые поправки да прочее, и то до сих пор ваши многие мусолят, а тут будто и ни на миг сомнений ни у кого не возникало...

–И скажу, что лично знал пару-тройку тех «писателей». Не хочу говорить плохого, а и хорошего-то особо, веришь ли, нечего. Повторяю, – палец опять устремился вверх: – Пару-тройку. А кто писал остальные, лично мне неизвестно.

Тени легких облачков проползали у наших ног, сотни каб-

луков, подошв и платформ прошлёпывали мимо, изредка прокатывались колёса и колёсики, шарахались прочь неосторожно приблизившиеся к бесу мелкие собачонки...

–Ну а что старушка? – спросил у Аполлодора, радуясь самой возможности, наконец, задать вопрос.

–Старушка напоследок побыла некоторое время вполне довольной, даже радостной. Смотрела на домашних осмысленно. Говорить, правда, даже не пыталась, болезнь такая, да и зубов не осталось.

–А потом? – спросил. –А потом? – собеседник пристально взглянул на меня. Не понимая, отчего я спрашиваю про очевидное: – А потом Ипполит её увёл. Её путь подошёл к концу.

–Ну а чего я хотел? – поинтересовался сам у себя: – Что-бы ангел столетнюю вылечил, сделал молодой и счастливой? В её-то «за девяносто»? А разум уже рисовал картину, на которой высокая фигура в светлом костюме ведёт под ручку тщедушную сухонькую старушонку, весело щебечущую беззубым ртом и произносящую, не очень, правда, внятно, изысканные выражения, явно приятно воспринимаемые ангельскими ушами. И за этой легкой остроумной и обоюдоприятной беседой двое не замечают, что шагают уже выше облаков, и что им навстречу, гремя ключами, поднимается, чтобы отпереть кованые высокие ворота, персонаж, с так хорошо старушке памятным лицом. Он открывает створки, на шаг отступает, не сводя взгляда с новоприбывшей и распа-

хивает руки для объятий... -Ну здравствуй! Как давно я тебя жду! ...

-Да. Пожалуй, это идеальный конец для любого рассказа. -Оборачиваюсь, было к Аполлодору, но... скамейка пуста. Только краем глаза замечаю чёрную «Камри», помигав, оторвавшуюся от бордюра... Вздыхаю вольно и радостно, встаю и намереваюсь пойти порадовать себя горячим чебуреком. Светофор предупреждает поздно метнувшегося меня желтым. Из окошка ближайшего ко мне синего фордовского фургона тонкий палец с розово-фиолетово-перламутрово накрашенным ногтем предупреждает о недопустимости срываться на переход столь запоздало, а запыленная белая «Нива» – пятидверка перекрывает ко мне дорогу автомобилям, уже ринувшимся на зелёный с другой стороны... Киваю всем головой, впрыгиваю на тротуар и снова радуюсь жизни, в которой всё идет, как каждому и предопределено... Если, конечно, ежечасно не искушать судьбу зазря.

Хотите- верьте...

А вот тоже, честное слово, было... Лег я, значит, спать нормально... Это когда не позже полвторого, после Ркаци-тельки, да Портвешка вдогонку. Ложась прикрыл окно- оно март все же, и половину шторки отодвинул, чтобы немного луна комнату освещала. И отъехал в момент, словно как провалился.

И, вроде бы, давным-давно я здесь живу уже, а кварти-

ра не моя... Остро и тревожно все пахнет кругом, да ещё и душно... Протягиваю руку и... матушки-светы... она волосатая. Будто я самый Шариков Булгаковский. Вскакиваю-опять чудеса- и ноги у меня- лапы мохнатые, и сам я весь шерстяной.

–Да что там, перебрал, да приспал, – думаю, и решаю до сортиру, пардон, провояжить. И... спрыгиваю вниз головой с дивана. –Ну, – пугаюсь на лету- Блин, ща убьюсь мордой об пол, – а сам шлёп на лапки и пошёл на четырех... Совсем уж, что ли, окосел после вчерашнего, как шавка какая, або кот...

До клозета дочетверенил. –Надо- думаю- Встать, что ли, свет- то включить, и р-раз... Поднялся. Поднялся, а выше, вроде, стал ой, как ненамного. Тянусь к выключателю, а на лапах коготки... Да хрен с ним, конечно, проснусь утром-посмеюсь, коли это вспомню... А в сортире, вроде, всё и в темноте вижу, вокруг какой то полусвет – полуморок серо-зеленоватый... Помню, главное, что куда делается в этом помещении! Прыг, и на унитазе...

Обратно так же пришлось четверенить, правда уже полегче стало, и поуверенней шагалось. Скакнул на диван, а спать-как отрубил. А за окном, на воле- лунища всё как половодьем залила... И дорогу, и тротуары нечищенные, и крыши с цепочками кошачьих следов...

И, почти не думая, снова –скок- вниз головой на пол... Прыг – на подоконник. Сиж. Прогуляться в таком –то виде козырно, наверняка, было бы... Не каждый божий... ночь

такая возможность выпадает. И начал шпингалет открывать. Помню же, как кошки двери, прыгая на ручки, открывают, на кнопки звонков в прыжке жмут... Значит и я- человек, временно кошкорукый, смогу... И смог, открыл, -Ай да я! Мяу... -И шась- на ближнюю соседскую крышу...

После, естественно, вниз, я же не кот, прямо так, в натуре, по крышам вам сигать. Иду, не торопясь по подмёрзшему снежку... Иду, а ноги... лапки не мёрзнут. Хорошо, спокойно, мыслей никаких, иду. Наслаждаюсь ночью. Собака навстречу трусит... Знаю её, пару раз что-то давал ей, она двора за два- три от нас обитает...

И чего это вздумала? Болезная, подсобралась-то к чему? Ща как блябну... И аж вспотел, то есть- взъерошился- я же сейчас кот! Шась- шась по сторонам, а вскочить и некуда. Встаю опять в полный рост, руки, то есть лапы подымаю и ору: -Фу, место, нельзя... -Выходит, сами понимаете: -Мяу, Мя-яу, Мя-я-я-я-а-у-у-у! Собака замерла, глянула на меня, засомневалась в генеральной линии поведения и протрусилла мимо... Так-то, животина, знай наших...

Победить-то я победил, и шавок не боюсь, и обращаться с ними умею, но... не во сне, и не когда я почему-то кот. К тому же на нашей и соседней улицах зверюги и посерьёзней этой тихой сучки имеются. Всё- таки, выходит- на крышу...

Повернул назад, пару домов прошёл, на забор затащился- и как это со стороны кажется, что коты чуть ли не взлетают вверх по забору? Прошёл, словно в цирке, по верху штাকে-

тин, все время боясь перепутать лапки и съерашиться вниз, присел и бросил тельце на крышу сарая. Таки я тот еще суперкот – антрекот! Дальше- дело времени, вскоре уже сидел я и на крыше дома, на сухом шифере. Сидел, и для какой-то радости... вылизывал себе... Ну. Не важно, что именно...

Чу- уши сами собой скакнули вперед и вздёрнулись кверху, нос задвигался и как искра сквозь тело прошла. Невнятно мекнув по –бараньи моё, а в то же время чужое уже тело куда-то помчалось осторожными прыжками, тормознулось, припав передними лапами и я увидел ... Подобно мне она, поджав лапки, сидела в тени трубы и с интересом, я бы сказал- откровенным интересом- пялилась на меня...

Понимаю, что я человек, что утром проснусь и всё будет, как раньше, что это сон, но... Ни о чём думать с той секунды не мог и ничего больше не видел. Кроме искорки в зелёном её глазу.... Это было неконтролируемо, и я снова гортанно заурчал и медленно, ставя лапки след в след, двинулся к ней...

– Верно, больной, всё так и было. По звонку жильцов бригада приехала минут через десять и сняла с крыши двухэтажки абсолютно голого мужчину, мяучащего, отыскивающего кого-то и ходящего по верхотуре на четвереньках... Впрочем, не беспокойтесь, мы понимаем- весна и всё такое... Скоро Вас подлечат, выпишут и ступайте, себе домой.

Я не знал, что и предпринять. Очевидно я в «дурке» и меня действительно будут лечить. Возможно, как показывают

в фильмах, сделают «овощем», запеленают в смирительную рубашку... Ещё- о боже- могут ведь и на работу сообщить... Пропала благополучная моя и почти налаженная привычная жизнь, буду работать дворником, время от времени попадать в больницу, все от меня откажутся...

–Руку вытяните, больной... Механически вытягиваю, чувствую крепкий хват, жгут на предплечье и укол... Бледное желтовато-зелёное небо... Низкая луна... Пара искорок в зелёных глазах...

Утро прокралось сквозь окна палаты и залило светом. Безрадостным, тоскливым. Явно, давно пора уже было вставать, но ни одна душа ко мне досе не входила. Я пошевелился и отметил, что всё у меня в норме и что, чего я так опасался, привязать меня никто не удосужился.

–И чо? Хрен через плечо! Будь, что будет, пусть дворником, пусть на всю жизнь один, зато ка-акое приключение! А стану-ка, пожалуй, писателем! Ненормальный писатель- это же так нормально! И так стало спокойно. Так хорошо... Я лежал, пялился в белый потолок и по-идиотски улыбался...

Дверь распахнулась, усатый санитарщице, тыкнув мне прокуренным жёлтым пальцем в живот пророкотал: -В 13 кабинет. Живо. Там новый доктор. Не наша. Наши обе заболели. Дома кошки подрали. Март, ептить. Живо-о, больной!

Я вздохнул, встал и подумал: – А как, интересно, должен вести себя нормальный ненормальный, когда его приглашают к врачу? Забиваться под кровать? Удирать по длинному

коридору, опрокидывая за собой белую больничную мебель? Начать бормотать детскую считалочку, глупо улыбаться и семенить к нужному кабинету? Ответа не было, и я просто отправился к нужной двери рядом с длинным, нелепым дядькой в белом халате.

Санитар открыл дверь: -Мурина Васильна- «кота» Вам привел вчерашнего... Вы просили. И впихнул меня в кабинет.

Лицом к окну, так, что виден был только стройный силуэт на фоне яркой мартовской сини, стояла невысокая женщина. –Сядьте, «больной» и слушайте – даже не сочла она нужным повернуться. – На кушетке Ваша одежда и документы. Одевайтесь и «Марш», свободны!

Ага, ага- мозги лихорадочно заработали... Сейчас я оденусь... А откуда у них моя одежда и документы? Так, я оденусь, она скажет, что поверила в мою нормальность, я начну кивать радостно головой и уверять её, что, мол, точно-точно, вполне нормальный и здоровый... Она скажет, оборотясь к прячущимся где-то тут же коллегам: – Гляньте, де, как и всякий сумасшедший, он уверен в самой, что ни на есть своей нормальности... Подойдёт, погладит меня по головке, пообещает вылечить очень-очень скоро, а пока для моего же блага запрёт меня в палате, и уколы, рубашки, овощ...

– Ну же, одевайтесь! – она по-прежнему любовалась небом с неожиданно белыми облаками, больничным подтаивающим садом и не проявляла никакого ко мне интереса.

Я тронул пальцем пакет и увидел в нём одежду. Свою. Вско-чил, нервно и суетно переоделся, положил в карман доку-менты.

–Запомните. Это для Вашего же блага... ВЫ. НИГДЕ. НЕ БЫЛИ. НИЧЕГО. С ВАМИ. НЕ ПРИКЛЮЧАЛОСЬ. И ни-кому ни слова... Хотя... это было бы, полагаю, чудесно... Это –сценарий раз.

Сценарий два- ВОЗВРАТА. К ПРЕЖНЕМУ. НЕ БУДЕТ. НИКОГДА. И вообще- не будет ничего привычного, и запла-нированного. Выбирайте... И можете идти, санитар в курсе дела и проводит...

Я сглотнул нервно, повернулся и зашагал к выходу. Ста-рая деревянная дверь, многожды крашенная белой масляной краской... Ключ без колечка, торчащий в замке... Снова по-вернулся, и... из-под ресниц плавно в этот же момент повер-нувшейся «докторши» мне мигнули две зелёные искорки...

Неловко и торопливо, будто лапками, кручу ключ... Ме-каю, ставя ноги след в след, двигаюсь к окну... Искорки ска-чут и подмигивают... Прощай, скучная обычная человечья жизнь... не судьба! Мя-а-ууу...

Монолог вампирчика....

Как мало вы, друзья, знаете о вампирах. То есть, самим-то вам, естественно, много читающим и неутомимым в выиски-вании произведений интересных и дающих толчок к неким размышлениям, кажется, что ведомо вашему разуму почи-

тай всё, но... Я, простой заштатный вампир Терентий, даю зуб на то, что об иных незавидных сторонах нашей нелегкой жизни мало кто из людей имеет более-менее стройное представление. Таки, представьте- на кону вампирский настоящий зуб. Бросьте сказать за то, что всего один и тот, наверняка ненастоящий. Да, один, да... ненастоящий. Но заказанный, замеренный, оплоченный и изготовленный протезистом высокого класса. Стало трохи интересней? Тогда повествую.

И всегда- то жилось нам не особо жирно, да вольно. И моральных, и религиозных, да и медицинских проблем находилось на ровном месте на наши тухесы и головы предостаточно. Самые из нас циничные, бездушные и беспринципные быстро и без соплей, воплей, терзаний скатились на «краснуху», отчего цвет лица, характер, а особенно запах, от них исходящий скоро сделал их в некотором роде изгоями вампирьего племени. Имиджу и харизьмы им это прибавить не могло, как и здоровья, и большая часть их вскоре... тихо, либо с криками- скандалами откинули сандалии.

Другая нестойкая общность любителей кровушки, люди обаятельные и полнокровные, этакие щекастые весельчаки, без особого труда сыскали себе друзей и знакомцев из числа продавцов мясных магазинов, рыночных мясников или работников мясокомбинатов. Иные счастливичики сыскали блаат на станции переливания крови, или аптеке. Знакомый моего сетевого собеседника как-то слышал историю о том,

что, якобы, один бывший наш соотечественник, перебравшийся в Европу... или напротив- европеец, попавший к нам... устроился на работу ассистентом хирурга- стоматолога. Получив доступ к некоему количеству свежайшей ... сами понимаете, чего.

Большинство из этой когорты под влиянием новых друзей и соблазнов тоже поменяли приоритеты, принципы и образ жизни. Вампирское существование ныне из них поддерживает исключительно Рахиль Соломоновна Иванова, и то, единственно пользуясь многолетней негаснущей мужниной любовью... Ох, таки знали б вы, какой за то она имеет от него гемморой в голову....

Ну и, наконец, споткнусь привычно за то, за что только ленивый, мёртвый и хронически... обнулённый сейчас не цепляется языком. За наш звёздный, коронный, вездесущий ковид...

Вот как честному убеждённому в своём праве и даже зачастую имеющему специальный сертификат вампиру опознать инфицированного простака на тёмной улице? Люди, в отличии от нас, пошли до такой степени тёмные, да дремучие, что не только к здоровью, а и к виду своему, поведению, да состоянию совершенно равнодушные. Куснул раз такого наглого хама в профилактических целях, испугать- то, конечно, испугал, а сам после слёг. Нюх отшибло, как у пса после гонки за механическим зайцем на табачной плантации, глаза покраснели, как... у вампира, три дня сушняка, аж до

присыхания дёсен, а после- самое обидное- дикое желание кружками хлебать рассол.

Ну люди мы не чахлые, иммунитет быстро восстанавливаем, да в норму приходим. Но приходится дальше жить и пить, что уже в свете иных происшествий и обстоятельств делать становится зачастую не так легко и безопасно... Всё чаще начинаешь снова и снова ловить себя на опасениях, связанных с невозможностью безошибочно вычислить в толпе индивида, подходящего для подкрепления твоих физических и интеллектуальных сил...

И вот тут-то дошёл, докатился я, дорогие мои, до мысли столь же гениальной для нашего сословия, как и скорбной... И не токмо я один до такого допетрил, полагаю... Только представьте, что начнет твориться, когда некоторое количество народу перестанет заниматься древними, обоюдодоплезными процедурами кровопускания и примется снош... рыть-ся в мозгах другого человека с целью установить интеллектуальный контакт, приводящий к улучшению здоровья, самочувствия, возможно, к экстазу, эйфории и последующему оргазму, и зависимости от подобного общения...

Эт-то уж, я вам скажу, столь же далеко от истинного вампиризма, как божий дар от яичницы, как хрен от гусяной шеи, как моральный кодекс строителей коммунизма от... конституции Мумбу-Юмбу или какой иной неведомой цивилизации страны. Потому, граждане наши-товарищи, начнём и скорее кончим со злом, которое идет вразрез со всем

хорошим, да и не очень в нашей жизни. С вирусом, что ни вам здоровья, ни нам счастья принести не способны. А единственно приносит денег типам, до которых ни людям, ни вампирам касаться лишний раз не способно и не кошерно... Чтобы не запачкаться... И заживём без вирусов и гнусных типов дальше...

Так давай наливай хоть «краснухи». Дерябнем градусом по вирусу! Катись дальше, недокоронованный колобок, колбаской...

Патли, Младший бог чая.

Вот и попробуй остаться агностиком даже в наше время. Хотя, возможно, именно в наше время с этим наоборот сложнее. Реконструируются с чудовищными дополнениями религии старые, рождаются, как ежата из утконосьего яйца новые, в очереди на то, что вспомнят и их, стоят те, коих ни во времена неведомые, ни в обозримом прошлом не исповедовал, да что там, о которых ни духом, ни слухом ни один из сынов Адамовых... Не знал, -как говорится: -Никто, но помнить обязаны все...

А житиё моё, скажу вам, не очень. Сами понимаете- вирус-шмирус, дома сидим, шиш без масла едим. Жрем пустую похлебку с жидким чаем вприхлебку... У кого-то не так всё, но я уж три месяца сиднем сижу и золотого, значит, запасу боле не имею.

Чай же в окрестных магазинах- гадость наиполнейшая,

для коей старинно- изысканные «Писи сиротки Хаси» и «Сики свентой Вероники»– не уничижительные названия, а скорее приподымающие до уровня второсортного пойла... Можно, конечно, пойти туда, сам, между прочим, не знаю куда, или заказать где, тоже без стопроцентной гарантии на доставку в итоге, более приемлемого напитка, но... Но иногда это бывает дорого, иногда -долго, и время от времени временно (шедеврально подмеченная важность времени) недоступно. И пью я, вспомнив, что дитё природы, хоть и заблудшее, да окультуренное, всё, до чего дотянется рука с каменной дорожки сада.

Буквально пару дней тому вхожу в кухню с очередным ку-пажом из листьев калины, тысячелистника, цветком жасмина и полулистиком мяты и вижу на излюбленном месте всех моих гостей и кошек чумазого чувака. Первая мысль, что на диванчике прихерился цыган, а не то- атипично тёмный таджик.

–Салам, -молвлю-Напополам. Кто таков, что надо, как фамилия? А он сидит себе и молчит...

–Алё-о, товарисч...– встаю перед ним, готовый, если что, взять за шею и штанину и вынести за калитку.

Чувак изображает замысловатый жест, некое время лопочет по-тарабарски, то и дело бросая на меня взгляд снизу-вверх. Ещё реплика... еще... следующая... А я, значит, медленно понимаю, что язык его от тирады к тираде меняется. И наконец, слава святым пельмешкам, дошла очередь

и до русской речи.

Конечно, согласен, первое ваше впечатление- тронулся умом. Но не всё так просто. И не только по причине отсутствия у меня ума, хоть половину жизни и провел, втыкаясь головой в татами, отчего обзавёлся нимбом, сияющим иногда, когда солнышко отражается от шлифованной макушки, но и от того, что за столько лет разучился сильно удивляться и поддаваться сильным чувствам...

Короче, объяснил мне этот Гондурас, что является он никем иным, как... младшим богом зелёного чая ПатлиЧаем. Тут уж пришла пора мне засомневаться в его нормальности, но он сплел пальцы в причудливую мудру, пролопотал мантру и на моём столе задымилась чашечка, так и просящаяся в руку. ПатлиЧай жестом попросил не перечить своему желанию.

Таки, чем я рискую, выбирая между сумасшествием и отравлением, успокоил я себя и отхлебнул дивного напитка... Гость на чистейшем русском, мягко и извиняюще, лесным ручейком струил и струил монолог. С удивлением узнал, что даже самые грубые и нехорошие чаи всё равно расписаны древними высшими сущностями по ритуалам, временам года и суток, событиям и даже кастам, хоть и давно уже мало кто не токмо придерживается, но и помнит об этом. Я же своими извращенными «изысками» свожу на нет содержание и смысл тысячелетних небесных свитков и до такой степени сумел уже повлиять на мировой порядок, что

возникла необходимость в паре новых чайных божеств, одним из коих как раз и был мой гость. «Тонкий», или «младший» чай, примерно так звучало бы его имя у нас, благодарил меня за то, что именно с моей подачи он появился на свет, но выражал опасение, что ввиду крайне малого количества адептов богом он будет... так себе.

От собственной ли важности, либо допитого неземного вкуса чая, почуял я себя творцом богов, одним из вершителей мироздания и не менее, чем основателем религий.

–Внемли мне, -вытягиваю вперёд по-Ленински руку: – И запоминай... Что сказать дальше, естественно и в проекте не было, остаётся только нести пустословицу, стараясь не ляпнуть в промежутках откровенную нелепость...

–Не бойся быть слабым богом нечаянного чая, ибо предлагаю тебе... И снова запас слов, смысла и логики того... испарился. Но беру себя в руки и пробую импровизировать...

– Быть тебе... могучим богом всего, что только можно опустить в чашку кипятка, включая вездесущие пакетики и благословенный Дошик! –«Тонкий» рухнул на колени. Преклонённая его голова подрагивала от восхищения. Вот она-восточная выдержка! Любой бы на его месте скакал бесом. Как иначе, когда только что на ровном месте из младшего божёнка микроскопических уровней становишься могучим покровителем ...непонятно чего, но так долго перечисляемого и широко людьми нашего века потребляемого, что явствует из моего спича...

А когда голова его снова поднялась, на меня глянули гордо и грозно горящие глаза, россыпь крупных алмазов на ослепительном тюрбане ослепляла, рост и стать того, который минуты назад казался забравшимся в дом цыганёнком поражал воображение, а неземной голос, которым он благодарил меня, звучал одновременно везде и абсолютно ниоткуда. От избытка чувств я преклонил колено, словно рыцарь перед синьором, и когда снова поднялся был на кухне уже один.

И коли вы не поверите ни единому слову моему, приходите. Чашка, из которой в начале нашей беседы сделал я первый глоток, осталась у меня. Она самая простая на вид, но, если даже случится ей упасть и разбиться, в течение пары дней неведомым мне образом в доме появляется чашка новая. Красивей, или проще предыдущей, чуть больше, или немного меньше, расписная, либо одноцветная...

А ещё... А ещё все растения в нашем саду, к которым только потянется моя рука сама собой, вкладывают в нее чистый, крупный лист... Лист, который я смогу опустить в чашку с кипятком, угождая моем богу. Так, что... хотите, или не хотите, но теперь он есть! Вы прочитали про него, вы подумали, представили, и даже если не поверили, всё равно сделали его сильнее. Таково существование богов... Я знаю. Я простой создатель, я червь и пылинка мироздания. Такой же, как и все вы.

Пока! Помчался. Закипает...

Ах, эти коварные женщины.

Как мы привыкли если не перекраивать мир под себя, то читать, как его меняют другие мужики, ну, или, по крайней мере, мечтать о моменте, когда самому тебе захочется встать с дивана, отодвинуть в сторону покорную супругу, мужественно подтереть нос плачущим детям, втянуть живот и шагнуть в большой мир, подобно... Брюсу Уиллису. И не потому, что окружающее тебя чем-то не устраивает, а просто потому, что ты Мужик и Глава всего-превсего на планете, о чём только читал в сети... Ты Семец, Мачо, Доминант и такой Альфач..., что и сам перед собственным отражением в зеркале робеешь!

А тут обнаружил, понимаешь, такое, и не только грядущее мироустройство уже под вопросом, но и чувство собственного велич... достоинства- на полшестого. Встаёшь, такой, во весь рост, не грех и на цыпочки приподняться, грудь вперёд и в сторону всего их бабьего биологического виду грозно глядя рычишь: -А что это за фигня у вас тут понаписана? – И сам, как «гневно сверкнул очами», ожидая жениного смущения, смирения и оправданий, хоть и губы почему-то дрожат, в голосе неуверенность, а в мыслях- сомнения по поводу написанной невесть кем ереси... И, таки, не ждите, что попался мне какой «последний календарь Майя» с предсказанием понедельничного конца света, а вполне себе современный нижеприведенный отрывок....

ЗАПИСКИ ОБ МУЖЕНЬИ...

Предисловие, которое можно и не читать.

Такого, вы скажете, не бывает, но я двадцатисемилетняя природная блондинка ростом сто семьдесят сантиметров с пропорциями, которые не оставляют места комплексам, и прошлым в виде нескольких лет в сборной страны. К тому же имеет место быть степень кандидата наук, но... я беспросветно одинока и альтернативы моему одиночеству не предвидится ни в скором, ни в более отдаленном будущем.

И, поверьте, вовсе не только и не столько личные качества существ, называемых нами мужчинами тому причиной, но и мои невольные исследования над ними, которые, исключив некоторые моменты – сугубо научные (скучноватые для большинства), либо крайне деликатные (а детям и вовсе незачем знать подробностей), попытаюсь изложить для вас в популярной, пусть и не очень серьезной форме.

Итак, ... В году 20XX.. научным коллективом кафедры N... университета был собран аппарат, сканирующий электрическую активность участков головного мозга живых существ. Ничего нового, в общем то, но аспирантки, в числе которых, сами понимаете, находилась и я, пошли дальше и решили, зная, какие доли и участки ответственны за те, или иные чувства, эмоции и рефлексы, облегчить себе жизнь, сделать какое-никакое имя в научных кругах, а заодно, чем чёрт не шутит, заранее выбить грант на исследования в этой перспективной области ещё на несколько лет.

А исследовать решили речную рыбу. Нет-нет, заядлых рыбачек среди нас не было, но парень одной миниатюрной аспирантки нелестно раз высказался об объеме женского мозга именно в связи с рыбалкой и мозгом рыбы. И она, брюнетка эта миниатюрная, ещё более усохнув от огорчения и слёз, всё ему, естественно, простила, ходила хвостиком за ним, высокомерным умницей, красавцем и прочая, и прочая, и про... и просто дурканулась бы вскоре, не реши мы все вместе доказать ей, ему, да и всему миру, что и рыбы, и женщины если и не умней мужиков, то, в любом случае, не глупей.

Подводных камней в нашей работе оказалось предостаточно, причем большинство из них мы устанавливали сами. Огороженный мелкоячеистой сеткой участок речки пришлось густо заставить приемными устройствами с питанием через трансформатор. Несколько особей рыб снабжены были миниатюрными нашими аппаратами, которые пришлось даже иной раз наклеивать на скользкие тельца. Палатку в несколько слоев накрыли сеткой, лишив местных комаров, вернее комарих, сладкой аспирантской крови ...

И всё это только ради того, чтобы в итоге выяснить, что тем, кого так долго и отважно выслеживают, высиживают, выуживают, выгули..., мужчины, гордо называющие себя рыбаками, хочется только есть. Даже чувство страха им ведомо только всем вместе, поодиночке они только сторонятся незнакомых крупных объектов.

Что же касается размножения, тут еще проще – химия

и никаких желаний. Естественные потребности, сдерживать которые нет смысла, а справлять никакого удовольствия...

В общем и целом, диссертации мы защитили, а с рыбами, как и с мужиками обмишулились. И двое из бывших наших аспиранток живут уже вполне рыбьей жизнью с вполне цивилизованными приматами. Те говорят на двух языках, сами моются, умеют листать страницы в книгах, порой ясно выражают свои мысли. Правда лучше всего получается у них доминирование, не важно, как и над кем, и выбор кнопок на клавиатуре, в какие бы «Тыцнуть», чтобы получить вознаграждение в виде информации или, что особенно ими ценимо, зрелища. И, что мой недоразвитый мозг не может, хоть убей его, понять, больше внимания, чем на всё готовой законной супруге они уделяют просмотру разноцветных и разноразмерных, но одинаково обнажённых ЧУЖИХ баб, которые в разнообразных позах не устают демонстрировать охающим и закатывающим глаза самцам одно и то же. Самцы при этом возбуждаются, подпрыгивают и чешут себя во всех местах, иногда сопением своим пробуждая изнывающих от одиночества в постелях жен и вселяя в них зыбкую, но чаще несбыточную надежду на сладкую минутку-другую в крепких мужских объятиях...

И однажды я нашла в бо-ольшущей аспирантской ещё коробке свой прибор (ничего интимного, гольная наука). Сам корпус его представлял собой как бы ошейник из тончайшего тянущегося полимера, который можно подогнать под тело

любой толщины. Бездумно одела я его на палец, покрутила и поняла, что не рыбой единой...

И дежурным рыбцом тотчас был назначен совершенно средний и ничем не выдающийся из моих знакомцев. Полукобель, полуэстет, слегка подверженный тяге к зелёной рептилии – читай змею, из обычной приличной семьи, не болельщик, но и не отказывающий себе порой в «удовольствии» пообивать пятой точкой деревянные скамейки трибуны пару часов, выкрикивая при этом бессвязные и бессмысленные заклинания... Никто ещё не знал, что он станет номером первым... В общем, решила я вернуться в большую науку. И понеслись месяцы опытов...

Стоит ли добывать мужчину. Какого и для чего.

Если вы твердо решили, что вам нужно завести мужчину, подумайте, для чего он вам нужен. Некоторые наивно думают, что вдвоем романтично и безопасно гулять.

Может быть, может быть, но не следует думать, что ваш мужчина спит и видит, как бы прогуляться с вами под лунной. Для прогулок подходят только особи, воспитанные на классической литературе, наивные, благородные и подверженные приступам мечтательности.

В целом же самцы долгих пеших прогулок, неспешных и бесцельных, ох, как не любят.

Бывают ещё индивиды, для коих ночная прогулка с вами – лишний повод вас поохранять, но мужчины такого склада часто бывают опасны для вас, для окружающих, и для себя –

любимого, единственного, неповторимого. Часто специальные бригады с сиренами отлавливают группы и отдельных сорвавшихся с катушек самцов и заключают их под стражу за нападение на себе подобных. Выручая из «обезьянника» «своего» зачастую трудно не поддаваться соблазну заменить его на другую особь.

Наиболее развитое чувство, или одно из наиболее развитых у этих существ – чувство собственности. Он с первых дней знакомства видит в вас свою вещь и готов в гневе броситься на прутья решет... на стены и крушить всё подряд, если вы, или на вас кто взглянет.

Безопаснее и дешевле, пожалуй, завести собаку, которая будет любить, ждать и боготворить только вас и у которой еда, приятели, и телевизор, а главное – горячительные напитки, будут занимать далеко не самое приоритетное место в жизни.

К тому же девушка с собакой, это объект желаний не каждого первого встречного кобеля.

Тему интима обещала не поднимать, но кратко выскажусь. Самец и интим не имеют ничего общего. Мужчинам секс нужен только как рыбам (потребность), только для себя. Сейчас, здесь и немедля. Пять минут спустя это ему может стать неинтересным. Для всего остального он слишком эгоистичен. Не он для вас, а вы для него. Поэтому, когда он «занят делом», он уверен, что «Это» обязано нравиться и вам. Любое несоблюдение вами его правил, а тем паче пренебре-

жение его увлечённостью способны негативно отразиться на психике питомца... мужчины. В некоторых случаях можно навсегда лишиться удобного материала для одомашнивания.

Большой части самцов льстит, когда вы преувеличенно застенчиво намекаете на некоторые особенности их анатомии, или же пикантности ваших с ним отношений, но действия половины самцов после подобных намёков приводят к тому, что вы же сами и остываете моментально от их неуклюжих попыток вас зажечь.

Более того, они всё делают для того, чтобы «Это» случилось только когда хотят они, неотразимые, великолепные, неутомимые, умелые.

У мужчин, конечно же, имеется масса других пристрастий; еду, напитки и спорт они любят куда больше, чем секс, хотя строит из себя секс-гигантов почти каждый. По крайней мере, перед вашими подругами. Придётся вам иногда быть иронично-снисходительными.

О мужчине-добытчике говорить тоже, в общем то, нечего. Самцы всех видов диких животных, и мы не исключение, могут только задрать дичь, когда дико голодны. В логово же добычу приносит обычно самка. Долгая и трудная охота тоже прерогатива самок.

А уж если мужик и тащит всё в дом, так это от подспудного хомячковского желания запереться в норке на всю зиму, и чтобы не помереть с голоду, либо, подобно тому, как кошки носят нередко хозяевам удушенных ужей и лягушек, жела-

ния выглядеть в собственных глазах повелителем саванны и потрясателем двора и окрестностей.

К тому же, прощу принять, самец весьма конфликтен, капризен и амбиционен. В мужских коллективах либо он подавляет всех и к нему относятся «не очень», либо кто-то подавляет его, и тогда самец начинает искать новую работу. В этом случае желательно заранее запастись меховой теплой жилеткой, кою вам будет не жалко отправляясь по делам оставить ему для утешения и плача. Либо тихого, либо с разговорами и пусканием соплей. Не исключен алкоголь в непредсказуемых заранее количествах.

Как ни крути, а самостоятельные, терпеливые и ответственные женщины более приспособлены к выживанию в любом коллективе и успешно трудятся в таких условиях, в которых сильные и уверенные в себе мужики начинают также неслабо пить... В этой привычке ещё одна причина, по которой хозяйки нередко отказываются от бывших любимцев.

У домашних кошек охранять территорию, заботиться о котятках -обязанности самки, а коты знай, шарятся по чужим огородам, да орут под окнами соседских мурок. Изредка, справедливости ради замечу, они всё же ублажают хозяев запутыванием клубков и бессмысленным мурлыканьем. Посему на вылизанных детей и блестящее от чистоты жилище ориентировать самца, за редким исключением, бессмысленно.

Самец-друг, существо, думаю, самое хитрое. Он не агрессивен, его настроение, кажется, не зависит от наличия, или отсутствия секса, еды, бытовых условий.

Друг порой не реагирует на присутствие рядом других самцов, которые, в свою очередь, на всякий случай не приближаются близко к «его собственности», охотно и подолгу гуляет с вами, время от времени (zeit zu zeit) приятно вас удивляя широтой кругозора, познаниями, отличной памятью, но...

Но мы в ответе за тех, кого..., и вы сами уже привыкли, хоть самец деградирует на глазах. Через пару месяцев счастливого обладания им «мечтой всей своей жизни» его вполне уже можно нередко видеть небритым и нечёсанным, потом в речах его появляются не особо благозвучные слова, далее выясняется, что и любит он не Северянина и Превера, а цыган и шансон...

Дальше больше, и вместо поездки на барбекю к вашим родственникам он, не сообщив вам заранее, усвистывает на какие-то там соревнования, откуда приезжает через неделю довольный, как иди... ну, в общем сияющий.

И кстати, когда в надежде на перевоспитание друга вы только ещё берёте его жить к себе, будьте морально готовы к появлению в самых неожиданных местах квартиры «закладок» в виде носков, полотенец, отвёрток... Расчёска магическим образом будет то появляться, то исчезать с положенного места. Расчёска, заметьте, ваша, ибо уж он то сам всегда

обходился без нее... Но только когда-то, раньше.

Некоторые особо наблюдательные девушки замечают подозрительные брызги под сиденьем унитаза и предполагают, что самцы инстинктивно метят «свою» (вашу) территорию. Спешу ответить, что никаким «помечиванием» тут и не пахнет, просто делая машинально свои дела, иные особи не придают особого значения некоторым мелочам, отчего мелочи эти бывают иногда не мелки и направляемы не в ту сторону.

А метить они предпочитают всё на улице, словно собаки, вернее – кобели, и с этим уж ничего не поделаешь, природа. Зато гулять с ним не обязательно. Если вам некогда, или на дворе плохая погода, друг сможет не только погулять один и вернуться домой, но и, если вы его этому сумели научить, принести что-нибудь из магазина. В этом его главное отличие от собаки, которая, понимаете сами, с продавцами общаться пока не умеет.

Хотя не все так просто и легко с мужиками. Кастрировать, например, его вы не сможете, хотя в ряде стран уже и животных не купируют и не кастрируют хирургическим путём, поэтому вам всё же придется заниматься «этим». Так, подружески...

Научить самца не бегать по старым и новым подружкам, тоже, в принципе, можно, слегка щёлкая по носу (по мордам-с) и повторяя «Фу. Нельзя». Должна, правда, сказать, что срабатывает это исключительно, когда находится он постоянно в пределах вашей видимости.

О том, какие чувства и эмоции чаще испытывают мужчины. (Не по их рассказам)

Готовилась долго и умно писать, но, представьте себе, ошиблась. Главное чувство – желание, второе по значимости – желание, следующие три – желание (очередность постоянно меняется), далее – желания же. Желают они, главным образом, одного-еды, секса, зрелищ, самоутверждения, похвалы, еды, самоутверждения, похвалы, секса....

Электрическая активность мозга крайне хаотична и непрерывна, даже во сне самец продолжает желать, зоны же, ответственные за определенные чувства включаются в стихийной, не поддающейся расшифровке последовательности, что отнюдь не облегчает изучение столь сложного существа, как мужчина. Судите сами, насколько самец непрост, казалось бы, после удовлетворения очередного желания должен включиться центр удовольствия, а активизируется очередное «хочу», после которого, порой, это же «хочу» не включается много циклов подряд...

Нет, научным привычным языком писать легче, хоть и понятно немногим, чем пытаться хотя бы окололитературно, но популярно и просто донести мысль до большинства. Но я настолько серьезно в своё время отнеслась к научной работе, что один из «рыбцов» раз ушел от меня с прибором на ..., с прикрепленным, в общем, к телу прибором. Вернулся дня через три-четыре с ним же, не только не снятым, а и незамеченным.

Правда показания с него можно было снимать только в пределах досягаемости оборудования, то есть в моей квартире, зато теперь мне известно нечто интересное о сексуальной активности самцов в период проведения над ними опытов, направленных на увеличение частоты и длительности контактов...

Несколько советов по обращению с мужчинами.

Если вы поторопились завести самца, но не знаете не только, что с ним делать, но и вообще, как обращаться, возьму на себя смелость дать несколько советов...

Главное при начале общения с малознакомой (читай-дикой) особью мужескаго полу, это постараться показать ему, что вы чрезвычайно цените его свободу, мировоззрения (боже, какие у них могут быть мировоззрения – то, если в том месте, которым они склонны заменять голову, мозгов отродясь не было), и право на самоопределение (откуда в моих научно-биологических такое выражение- «...право наций и народностей на само...»), и в то же время поставить его в жёсткие рамки – от сих до сих.

Ни в коем случае не привязываем на поводок, но и за мчащимся по улице не гоняемся с криками, словно, конечно, как о собаке, но ..., поверьте, очень они похожи.

«Отвяжавшуюся» и «набегавшуюся» особь следует наказывать, но так, чтобы до разума особи не дошло, что её морально тычут носом в ... проступок. Ненавязчиво, но твердо покажите самцу, что вам крайне неприятен его залёт, изобрази-

те некоторую холодность в общении с ним, но ни в коем случае не прекращайте с ним разговаривать совсем. Это некоторых особей, особо неприрученных, провоцирует на поиски другого объекта привязанности.

Материала изученного, сопоставленного и систематизированного накоплено достаточно, чтобы максимально полно описать характеры, повадки и особенности поведения существа, называемого мужчиной, как на воле, так и подвергнувшись в некоторой мере уже приручению, одомашниванию и окультуриванию. А также особей, только предназначенных ещё к подкармливанию и приласкиванию и не знающих до сей поры поводка привязанностей и мягкой хозяйской руки.

Но... памятуя о некогда решительных, а впоследствии уподобившихся снулой рыбе бывших аспирантках, сдавших своим располневшим «рыбакам», и представляя терзающихся в сомнениях нерешительных барышень, после чтения моих «Записок об мужении» скорее всего, не решающихся обзавестись обузой в виде родственного нам двуногого прямоходящего примата, принимаю решение сей последний и единственный записковый экземпляр уничтожить... Решительно и бесповоротно, хоть и научное моё естество и жизненная позиция всецело против этого шага высту...

Ры. Сы: А рукопись эту, друзья мои герои, покорители природы, перехватил я, уносимую ветром от кинувшей её руки стройной молодой блондинки, стремглав бросившейся догонять с причитаниями и оправданиями... лысоватого

«питомца», малость пришаркивая шагающего от неё прочь по тротуару...

И видно было, что, то ли она так быстра на ногу, то ли он, только что нёсшийся, было, огуливать прежних и новых подружек и метить территорию, притормозил подождать «хозяйку», только она повисла на его руке, прижав голову к плечу. Он тоже склонил свою, боднул её легонько, и они, ещё теснее прижавшись друг к другу, побрели вдаль... Да... Извечные соперники, антагонисты, «лёд и пламень», или просто Мужчина и Женщина...

Знаете, а я, пожалуй, тоже сегодня мир перелицовывать не готов. Что для него лучше, а что хуже? А завтра с утра с новыми силами и решимостью отправлюсь! Вот только у жены спрошу, как бы ей хотелось, чтобы...

1.

Март не за горами уже и даже не за неделями. Вот они, первые весенние дни, маячат в календаре за неполным февральским строем. Хотя... весь, почитай, последний зимний месяц был и сам -сплошной, натуральный март. Поэтому...

Настроение приключилось с вечера непонятное: и задремать хотелось прямо на ходу; и внимание прерассеянное, мнится всё не то, что вижу и слышу; и с тем всем одновременно во всём теле напряжение, аж до дрожи, будто я трансформатор какой и напряжение целого мира понижаю...

К ночи совсем беда- и, вроде, упасть без чувств хочется, а нет, тянет пойти куда. И как мои все поукладывались, оделся тепло, но по простому, по домашнему... и за дверь.

От луны- обмылок, остальное всё белизной прозрачной вокруг порозлито, звёзды- разве не пересвистываются вдобавок к разбойничьему перемигиванию, невесть откуда с ясного ночного неба редкие снежинищи планируют в тишине... И ни-ко-го в городе моём. Да моем ли? В неверном сверкающем свете по-иному выказывается. Что бы днём и не приметил- луна подчеркивает и дорисовывает, а знакомое- укрывает, декорирует, перелицовывает.

Тело, понимаешь, как чужое и не чувствуется... Голова тоже... не больно-то своя и полна обрывками неуловимых, стрижами носящихся мыслей. Но так приятно, чёрт возьми, отдаться ногам и призрачной небесной лунности... Иду, туристом по... нездешневременному сказочному городу, только дорогу спросить, ежели собьешься, да заблукнешь, не у кого. Пусто. Даже, если задуматься, жутковато. Но не до этого, хочется этой красоты и необычности... Когда ещё придется?.. А шагается само собою как-то...

Повернул наверх, к старому центру. Напряжение прошло, дотолероящиеся думы умчались прочь и только покой

остался со мной и вроде намекает уже, что если бы лег я сейчас, то уснуть бы минутным делом обернулось. – Ну, – решаю: – До угла, а там назад пойду. И иду, как шагалось, медленно, спокойно, под уютным, скрывающим от света лицо капюшоном.

-В рот же вам ...талоны... Летит на меня трамвай. Неслышно, без огней... и рельсов. Шарахнулся бездумно на рефлексах к зданию, только ветром мазнуло по лицу... А сам пропал, как и не было. Стою, на дорогу гляжу и ни рельсов не вижу, ни следа колёс на асфальте.

-На «Ильинку» покатыл. Вам бы по тротуару идти, что ли... Обернувшись вижу человечка в старинном костюме, похожего на киношного Шарикова, и не удивившись нимало спрашиваю:– А как это он без рельсов- то?

Незнакомец склонил голову набок, пытаясь заглянуть мне в лицо:– Да как же это можно, чтобы без рельсов, чудак? - Шагнул к середине проезжей части и... носок его тяжёлого ботинка пнул пару раз что-то, отозвавшееся металлом. -Вот они, значит, и рельсы, – он наступил на... что-то невидимое и оказался висящим над асфальтом. Совсем невысоко, но того, что могло бы оказаться рельсом не наблюдалось.... – А-а-а, – тяну и отворачиваюсь, вроде бы как "Ничего особенного, просто не заметил". А прохожий снова на меня зырк-

нул и скорее сам себе насмешливо эдак: – Да ты, милоч, понимаю, выпимши. Мне-то, хоть и удивительно всё, но, как часто во сне случается- глубоко они- события-по барабану и нимало не страшно, и не волнует, что обо мне подумают. Ну пусть выпимши... Тут же остатки сознания туманцем подернулись и взаправду не ахти себя трезвым ощущать. Незнакомец пару минут рядом шёл, даже, помнится, объяснить порывался, как мне и до какого ориентиру, значит, пройти, но воспринимал я сказанное все хуже и хуже, к тому же и названий таких в своём городе не припоминал. И случилось, что дошли мы с "Шариковым" до очередного перекрёстка, я ещё памятник вождю на Революции издалека приметил, какой-то в лунном свете полужнакомый, как... попутчик мой исчез. Полупал я зенками, точно- нету, да и дальше пошёл, к Ильичу. Он, кстати, самым вдруг обыкновенным сделался. Да и спящие здания вокруг вполне себе знакомые и обшарпанные, как мы и привыкли... И уж перейдя, почитай, улицу вполне себе бодрым шагом, споткнулся об невысокий старинный рельс...

Матюкнулся привычно перед тем, как удивиться и до ушей моих долетело хихиканье. Похожий на киношного персонажа незнакомец растворился у меня на глазах в тени старой двухэтажки, помахав на прощанье рукой. А я пошёл скорым шагом домой, лёг спать и вмиг вырубился... Весна-с...

2.

Козе понятно, что две недели не срок, чтобы в Городе в

другое время гарантированно забрести, но иногда же и «на заказ» получалось... Да и на тех же, скажем, экскурсиях по старому центру, частенько бывало. А тут- беда. Днём даже не пытался, настрой не тот, да и думы одолевают не способствующие воспринять серьёзно, а и по темноте -никак. Волнительно как-то и желаемо велми живо, а тут бы наоборот, тут бы все чувства отбросить, и тогда, может...

А луна «растёт», ночью уж всё, что ни на есть, поди, разглядишь. А в иную пору выйти и интересу нет. Будто что тебя держит и отговаривает: -Не ходи, -мол- Ног зря не бей, воздух до поры зазря не шевели на улицах. Но ведь она- дурная-то голова не токмо приключениями пятой точки заведует, но и, на минуточку, ногам покою не дает. Выходил пару раз в ночь, ходил, аки ... лукоморский кот и кругами, и прямо по старым улицам, и во дворы забредал, да древние подворотни.

Коты, исчезающие и появляющиеся с другой стороны и в разном всяческий раз обличье, непонятные колеблющиеся человекоподобные тени, упорно держащиеся в самой разтёмной темени, приближаться к которым желания не возникало, да участки, в которых вдруг дикий холод сковывал тело, а порой и разум- вот и всё, чего «навидался» в подобных вояжах. Ещё, впрочем, попадались неадекватные личности и подозрительные компании, несомненно живые и настоящие,

но... временно, как подсказывали интуиция и... городская мгла, относящаяся ко многим из оных явно как к почти уже собственности.

И никого, даже отдалённо напоминающего прежнего моего, почти осязаемого ночного попутчика не наблюдалось. Общения же с теми, про кого только что упоминал мне, увы, не хотелось, как, полагаю, и двум последним упомянутым со мной.

А снятся ли вам, уважаемые, сны, в которых на вопрос, донимавший разум некоторое время, даётся подарком ли, очередным ли пазлом с целью помучить ещё, ответ? Бывает? Вот и мне в промежутке между безумными и привычно-серыми сюжетами было «подказано» малообнадеживающее...

Будто бы теку я по ночной незнакомой улице Города среди множества так же движущегося по течению и против народу и слышу пообочь женский голос, именно ко мне обращённый. Темноволосая женщина, почему-то принятая подсознанием за цыганку лет 30, обстоятельно, быстро и внятно разъяснила, что «они»— вероятно те, кого я искал, бывают не всякую ночь, а когда и выходят, случается такое в самых различных местах, да и бывает, не тот, кого бы хотелось увидеть. Пройшла «цыганка» со мной рядом, и как не было... И

снова фантазмагория образов и буйство сновидений закружились... Даже и не вспомнил наутро ни снов, ни её самой...

А дня два спустя как наяву бывшее вспомнил. Вплоть до лица с одеждой всплыло. Улицы, однако, опознать не удалось. Такие вот парадоксы сознания...